

Михаил Кликин

Три легенды

«Автор»

2008

Кликин М.

Три легенды / М. Кликин — «Автор», 2008

Алчущий новых знаний маг случайно выпускает в мир людей чудовищное воинство кровожадного демона, опустошающего целые поселения. И только горстка ушедших на покой пожилых воинов-ветеранов, ищущих покоя в деревенской глуши, осмеливается встать у него на пути, чтобы прекратить кровопролития. А вовремя рассказанная история об этой великой битве способна спасти жизнь бродяге, пойманному на воровстве, – в том случае, конечно, если две другие поведанные им легенды окажутся столь же хороши, как эта.

© Кликин М., 2008

© Автор, 2008

Содержание

* * *	5
Легенда первая: Деды	21
1	21
2	22
3	28
4	41
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Кликин

Три легенды

* * *

Бывает – в темную ночь большая серая птица сядет на крышу дома, хрипло рассмеется, словно человек, прорычит медведем, пролает дикой собакой. Криками своими разбудит хозяина, и он откроет глаза, посмотрит на свою жену, спящую рядом, испуганно прошепчет молитву, торопливо отгородится от зла оберегающим жестом...

Бывает – ущербная луна заглянет в незанавешенное окошко, прольет свой мертвенный свет на беременную женщину, посеребрит ей лицо, выседит волосы. Холодное лунное сияние заползет украдкой, вместе с дыханием, в горло, выстудит утробу...

Бывает – недобрый человек посмотрит искоса черным глазом, плюнет на тень, придавит ногой...

И тогда рождается мальчик, глаза которого искрятся позолотой. Мальчик, на руках у которого нет ногтей.

Сын не своих родителей...

Уже через две недели он скажет первое слово. Через месяц – разучится плакать. Через два месяца он будет ходить.

А когда ему исполнится полгода, за ним придут.

Они войдут без стука – три человека в глухих черных плащах – не сказав ни слова, возьмут ребенка и удалятся. Исчезнут бесследно. Навсегда.

Никто не знает, кто эти трое. Никто не видел их лиц. Никто никогда не преграждал им дорогу...

Так было всегда. Мальчик с золотыми глазами – больше чем человек. Он – Прирожденный...

Черный ночной лес дышал гнилью. С болот поднимались светящиеся клубы зловонных испарений, они колыхались в воздухе, растекались по земле, тянули свои тусклые щупальца во все стороны. То и дело над топью вспыхивали сине-зеленые огоньки, раскачивались, словно танцуют в смердящем густом мареве, поднимались выше и выше. И медленно угасали...

По лесной дороге двигались два всадника. На обоих были одинаковые доспехи и плащи. У каждого на поясе висел полтороручный меч, а к седлу был приторочен взведенный боевой арбалет. Всадники негромко разговаривали и совсем не обращали внимания на жуткие призрачные тени, поднимающиеся с болот.

– Единственная настоящая сила в мире – это Прирожденные, – сказал тот, что был повыше и постарше. – Никто не сравнится с нами, даже маги не имеют той мощи, что есть у нас.

– Почему? – спросил молодой. Еще совсем недавно он был учеником и не успел отвыкнуть от привычки задавать вопросы. Впрочем, ученичество его еще не закончилось...

– Маги вынуждены подчиняться определенным правилам. Нас же не ограничивает ничто. Мы сами устанавливаем себе правила... Кроме того, маги обычно разобщены, они одиночки...

– Мы тоже.

– Ты не прав. У нас есть Орден... Он редко призывает нас, обычно мы предоставлены сами себе, но ты должен помнить – все, что ты делаешь, ты делаешь для Ордена и ради него... Более того – твои поступки – поступки Ордена. Каждое твое действие, пусть самое ничтожное, случайное – действие Ордена...

– Все это слишком сложно для меня.

- Ничего. Со временем разберешься. Ты все еще ученик. Послушник.
- Жду не дождусь... А когда завершиться Послушание? И что я должен сделать для этого?
- Все узнаешь... Не спеши...

В Черных Горах, среди скал и ущелий, на дне узкой лощины спряталось небольшое селение. Здесь никогда не появлялся обычный человек. Все жители этого селения – золотоглазые Прирожденные. Наставники и Послушники. Учителя и Ученики.

Сколько еще таких селений в мире, знают немногие. Большинству известно лишь одно – Орден велик и вездесущ.

- А как закончилось твое Послушание, Лигхт? Расскажи мне.
- Ты не должен об этом спрашивать, Дирт, – недовольно отозвался старший всадник.
- Почему?
- Каждый ищет свою дорогу и не может идти протоптанными путями.
- А если я не найду свой путь?
- Так не бывает. Ученичество всегда заканчивается. Это лишь вопрос времени.
- Мне надоело быть Учеником.
- А мне надоело быть Наставником.
- Так подскажи, что мне сделать? Я должен совершить какой-то подвиг? Кого-нибудь убить? Кого-то спасти?
- Ты задаешь много вопросов, но только лишь спрашивая, ничему не научишься. Надо уметь слушать.
- Слушать... – пробормотал молодой Дирт. – Что от тебя можно услышать?

До трех лет дети учатся все вместе. Им еще не дают в руки оружие, даже учебное, даже игрушечное. Их учат правильно стоять, правильно двигаться, правильно смотреть и слушать. Их учат дышать и кричать. Их учат молчать и терпеть.

Это скучно...

Когда ребенку исполняется три года, он получает свое первое оружие – боевой кинжал, легкий, простой, но бритвенно острый. На рукояти вырезано слово. Это имя кинжала. Когда мальчик напитает лезвие своей кровью, это имя перейдет и к нему. Теперь они неразлучны – человек и его кинжал. Кинжал и его человек...

После того, как ребенок обретет имя, он становится Послушником. У него появляется Наставник. Два года Наставник учит своего подопечного работать с кинжалом. Два года – это минимум, необходимый для того, чтобы почувствовать оружие...

В пять лет мальчик получает коня.

В шесть – сбрую.

В семь – седло.

Когда мальчику исполняется восемь, Наставник вручает ему меч. Небольшой, скромный, дешевый. Ученический. Четыре года надо, чтобы усвоить основные приемы фехтования. Еще два года уходит на то, чтобы научиться драться без приемов.

Где-то к пятнадцати годам Послушник голыми руками ломает исчербленный старый клинок. Это значит, что теперь он способен справиться с настоящим боевым мечом.

Примерно год Наставник выбирает оружие для своего ученика. Тут нельзя ошибиться, потому что этот выбор на всю жизнь. Кому-то нужен двуручный гигант, кто-то предпочитает пару стремительных коротких клинков...

В шестнадцать лет они встречаются друг друга – воин и его меч. Подросток в первый раз касается рукояти и уже не хочет ее выпускать.

Когда Послушнику исполняется восемнадцать, ему завязывают глаза и выводят в мир. Дорога в селение, где прошло его детство, теперь закрыта. Он сможет туда вернуться, лишь когда получит право называться Наставником. Но на это уйдет много лет. Пока же он, странствуя со своим учителем, должен завершить Послушание.

Как?..

- Странное место, – сказал Дирт.
- Всего лишь болото, – откликнулся Лигхт.
- Эти огни...
- Болотный газ.
- Тени...
- Туман...
- Как думаешь, здесь может водиться нежить?
- Здесь можно встретить все, что угодно.
- Ты меня успокоил, Наставник.
- Будь внимательней, Послушник...

Какое-то время всадники ехали, храня молчание. Черный лес тоже безмолвствовал. Только со стороны болота иногда доносилось странное вязкое плюханье, словно кто-то кидал в трясину тяжелые булыжники.

- Что это, как думаешь? – спросил Дирт.
 - Откуда я знаю? – сказал Лигхт, пожав плечами.
- Дирт зевнул. Осведомился:
- Скоро привал?
 - Неужели ты хочешь остановиться прямо здесь?
 - Нет. Но я порядком устал.
 - Еще бы. Второй день в седле.
 - И вторую ночь.
 - Ничего. Вот выберемся из леса, там отдохнем.
 - И когда это будет?
 - Не знаю...

Дирт привстал в стременах, вытянул шею, пытаясь что-то рассмотреть в колыхании испарений. Лошадь под ним негромко фыркнула.

- И все же, что это за звуки?
- Болотарь.
- Что?
- Не что, а кто... Хозяин болота. Следит за нами. Идет по трясине, шлепает.
- Шутишь?
- Может быть... А может и нет...

– Шутишь! – решил Дирт и, вроде бы, успокоился, расслабился. Лигхт, напротив, подобрался, поправил меч, внутренней стороной бедра коснулся заряженного арбалета, проверяя, на месте ли он, не съехал ли куда в сторону. Сказал негромко:

- Будь внимательней.
- Что?
- Пока не знаю.
- Эти звуки?
- Нет.
- А что тогда?
- Там впереди. Видишь?

Дирт всмотрелся во мрак. Проговорил медленно, неуверенно:

– Нет... Ничего не вижу... Что там?..

– Не знаю... Помолчи пока... И будь наготове...

– Хорошо, – ответил Дирт, посерьезнев. И тут же увидел то, что насторожило Лигхта. Впереди на дороге кто-то был – нечеткий силуэт скользнул на фоне светящегося марева и исчез, слившись с ночью.

– Там кто-то есть.

– Заметил, наконец.

– Догоним?

– Не спеши. Если это человек, то ему никуда от нас не деться.

– А если это не человек?

– Тогда нам незачем с ним встречаться.

Всадники попридержали лошадей. Дирт вскоре и вовсе соскочил на землю, пошел рядом, одну руку положив за рукоять меча, другой держась за луку седла. Они больше не разговаривали, и скакуны, почуяв настроение хозяев, уже не фыркали, ступали осторожно по мягкому грунту, бесшумные, словно тени.

Прирожденные не знали, что их тоже обнаружили. Человек, за которым они следовали, несколько раз останавливался, оборачивался, всматривался в темноту, прислушивался. Он хотел бы спрятаться, но ночной лес и призраки, встающие над трясиной, пугали его больше, чем преследователи, и потому человек не сходил с дороги. Он также спешил выбраться из этой жуткой чащи.

Утром, когда забрезжил серый рассвет, Прирожденные догнали идущего впереди.

– Эй! – крикнул Лигхт. – Стой!

Путник послушно замер, не решаясь повернуться лицом к всадникам. По его напряженным плечам было заметно, что ничего хорошего от этой встречи он не ждет.

– Ты кто? Что здесь делаешь?

Человек молчал.

– Отвечай! – приказал Лигхт.

Путник дернулся всем телом, словно его ожгли кнутом. Ответил негромко:

– Меня зовут Паурм, господин. Я просто иду.

Лигхт повернулся к своему молодому ученику. Сказал безразлично:

– Странник.

Дирт кивнул, соскочил с седла.

– Может он знает эти места? Проводник бы нам не помешал.

– Боюсь, он слишком стар, чтоб угнаться за нами.

– Не так уж он и стар, – Дирт обошел странника по кругу, заглянул в лицо.

– Но ты посмотри на него. Такое впечатление, что он уже одной ногой в могиле.

– Он просто устал. Я, кстати, тоже.

– Извините меня, господин, – путник неловко повернулся, склонил голову, пряча глаза. – Я давно не ел, потому так плохо выгляжу. Но я не стар, и у меня еще есть силы, чтобы идти. И я действительно немного знаю эти места. Я мог бы вас проводить.

Лигхт целую минуту изучал странника. Усмехнулся. Сказал:

– Здесь одна-единственная дорога. Зачем нам проводник?

– Скоро дорога разветвится. А потом и вовсе исчезнет. Там, впереди, сплошные топи. А я могу вывести вас на старую гать, по которой можно выйти из леса.

– Допустим, это правда... Что ты хочешь получить от нас?

– Ничего, господин.

– И все же?

– Немного еды.

– Это все?
– И защиту.
– Защиту?
– Да. Вы слышали ночью звуки с болот?
– Это что-то опасное?
– Возможно...
– Что именно?
– Не знаю, господин. Разное говорят... Не знаю...
– И ты думаешь, что мы будем защищать тебя?
– Нет, господин. Просто я буду держаться возле вас, когда вы будете защищать себя.
– Что ж, мудрое решение... – Лигхт помолчал, продолжая разглядывать странника. Размышляя о том, что иной раз и обычные люди, не Прирожденные, могут оказать весьма полезными. А то и вовсе – незаменимыми...
– Так как ты говоришь тебя зовут?
– Мое имя Паурм, господин.
– Что ж. Постарайся не отставать, Паурм. Держись рядом. Если что-то случится, прячься и не мешай.

– Да, конечно.
– Ну, куда нам?

Паурм едва заметно улыбнулся, махнул рукой и сказал:

– Здесь одна дорога, господин.

Эта улыбка и интонация, с которой были произнесены слова, не понравились Лигхту. В них не было должного почтения. Но Прирожденный сдержался, только приказал чуть резче, чем собирался:

– Иди вперед!

Паурм склонил голову. Лигхту показалось, что он, отворачивая лицо, прячет усмешку.

Дорога вскоре пропала, как и предупреждал Паурм.

Верхом двигаться стало невозможно, и Прирожденные спешили. Идти приходилось по мошкатым кочкам, скользким и зыбким. То и дело кто-то из людей оступался, проваливаясь в топь почти по колено. Лошадям приходилось еще трудней. Они уже совсем выбивались из сил, негромко ржали, жалуясь на усталость, фыркали сердито. На исцарапанных ногах гроздьями налепились черные жирные пиявки...

– Далеко еще?! – крикнул Лигхт.

– Не очень! – отозвался Паурм, на ходу обернувшись. Он шел впереди, тыкая длинным шестом в каждую кочку перед тем, как ступить на нее.

– Надеюсь ты знаешь, куда идешь, – пробормотал Прирожденный. Паурм его не услышал, он был слишком далеко.

Кругом торчали черные кривые деревья. Выродившийся лес все еще боролся с болотом, удерживал на сплетенных корнях тонкий слой почвы, не давал трясине подняться на поверхность. Впрочем, иногда встречались голые лужайки, изумрудные, идеально ровные, словно бы специально созданные для отдыха. Но путники, завидя такие места, огибали их стороной, стараясь держаться как можно дальше – они знали, что шагнув на этот зеленый ковер, мигом окажешься в густой вонючей жиже, провалишься по пояс и, сколько не барахтайся, уже ни за что не выберешься из холодных объятий вечно голодной топи...

– Лошадям бы надо отдохнуть, – сказал Дирт.

– Где? – сердито спросил Лигхт. – Кругом болотина, ни единой...

– Гать! – крикнул издалека Паурм. – Вышли!

– Говорит, вышли, – заметил Послушник. – А ведь действительно, без него мы здесь не прошли бы... наверное...

– Не нравится он мне, – поморщился Лигхт. – Есть в нем что-то этакое... Не знаю...

– Он же не Прирожденный. Все они такие.

– Рано тебе еще судить, – хмыкнул Наставник. – Ты живешь-то среди людей лишь второй год.

Дирт пожал плечами. Сказал брезгливо:

– Отребье. Голытьба... Видел его шрам?

Лигхт отмахнулся, глянул вперед, где среди гнилых корявых деревьев и ключьев болотных испарений смутно виделась фигура Паурма. Проводник ждал.

– Ладно, хватит разговаривать. Дыхание береги. И давай быстрее! Негоже нам от него отставать.

– Так ведь отстали уже.

– Тогда давай догонять! – рассердился Лигхт.

Прирожденные прибавили ходу, волоча за собой усталых лошадей. Под ногами хлюпала ржавая вода, неровные кочки так и норовили уйти из-под ног, какая-то жесткая трава цеплялась за штаны своими колючками...

Через несколько минут они были возле Паурма. Проводник глянул на них и вновь Лигхту показалось, что во взгляде его сквозит усмешка.

– Гать, – объявил Паурм. – Теперь уже недалеко.

Через заболоченный лес шла просека. Срубленные деревья, сучья, ветки образовывали пружинистый неровный настил, уже изрядно подгнивший, местами расползшийся, ушедший в топь.

– Здесь раньше дорога была, – сказал Паурм. – За ней следили, гать постоянно обновляли. А теперь... – он горестно покачал головой, вздохнул.

– Ты местный? – спросил Лигхт.

– Я родился здесь недалеко.

– Значит местность тебе знакома... Куда мы выйдем по этой дороге?

– К морю.

– И долго еще идти?

– Нет. Завтра будем на месте, если ничего не случится.

– На каком именно месте?

– Где кончится лес. И болото.

– А что может случиться?

– Все, что угодно... – Паурм пожал плечами, отвернулся. Опять улыбается?

Нет, Лигхту определенно не нравился этот человек!

– Ладно, пошли! – приказал Наставник.

– Сейчас я никуда не пойду, – сказал Паурм ровным спокойным голосом.

– Что?! – у Лигхта перехватило дыхание от такой наглости.

– Вы обещали меня накормить.

– Ты как разговариваешь с Прирожденными?!

– А что? Что-то не так, господин?

– Я же могу тебя прямо сейчас убить!

– Не стоит. Проводник вам еще пригодится.

– Зачем ты нам нужен теперь? Дорога – вот она! – Лигхт положил ладонь на рукоять меча.

– И куда же вы направитесь? Туда? – Паурм вытянул руку в сторону солнца. – Или туда? – он показал противоположное направление. – Любая дорога ведет в две стороны. Конечно, можно попробовать угадать, но стоит ли, господин?..

Целую минуту Лигхт молчал. Его ноздри бешено раздувались, к лицу прилила кровь. В конце-концов он успокоился. Прощедил сквозь зубы:

– Ладно. Ты хочешь есть? Мы тоже не против подкрепиться. Да, Дирт?

– Как скажешь, Наставник, – отозвался ученик из-за спины.

– Развязывай мешок. Будем обедать, – приказал Лигхт. – Овес у нас еще остался? Дай немного лошадям. И сними с них всех пивок.

– Как же мне надоело быть Послушником, – пробормотал Дирт, расстегивая широкий ремень и освобождаясь от неудобного тяжелого меча. Он прислонил оружие к коряге, торчащей из настила, помог лошадям взойти на гать и, брезгливо морщась, стал сдирать с них разбухших блестящих пивок.

– Когда же все это кончится? – сказал он в пустоту, привязывая к мордам лошадей холщовые торбы с остатками овса.

Лигхт и Паурм сидели неподалеку и ждали, когда Послушник достанет еду.

Через полтора часа, перекусив и немного отдохнув, они отправились дальше.

Паурм опять ушел далеко вперед. Прирожденные, как ни старались, не могли его нагнать, а приказать проводнику идти помедленнее им не давала гордость.

– Не понимаю, – сказал Лигхт, – как он может идти так быстро.

– Ну, во-первых, он налегке, – утирая пот со лба, проговорил Дирт. – Ни меча, ни доспехов... А потом, он же странник. Он всю жизнь проходил пешком. Привык.

– Может быть... – неохотно признал Лигхт правоту ученика. – И все равно, мы не должны отставать.

– Стараюсь, Наставник.

– Видишь его?

– Нет.

– Проклятье! Как бы он не бросил нас здесь!

– Да и пусть. Дорога-то одна. Выйдем и без него.

– Кто знает, куда он нас завел... Будет лучше, если мы его нагоним. И будем держаться рядом. Хотя бы на расстоянии арбалетного выстрела... Видишь его?

– Нет.

– Я тоже, – Лигхт выругался. – Давай быстрее!

Вдоль дороги густо разросся ивняк. Кое-где кусты прорастали сквозь настил гати, заслоняли путь и обзор, еще более затрудняя движение.

Стало темнеть, хотя время вечера еще не пришло. Лигхт глянул на небо. На солнце напозали серые вспухшие тучи, они шевелились, словно живые, ворочались, толкались...

– Погода портится! Надо спешить!.. Видишь его?

– Нет. Кусты мешают.

– Может его уже и нет впереди.

– Не пойдет же он в болото.

– Он знает эти места. Может быть здесь есть и другие дороги.

– Да ладно тебе, Наставник! Зачем ему от нас прятаться?

– Не знаю.

– Просто увлекся, забежал вперед. Сидит там где-нибудь, поджидает нас.

– Ухмыляется.

– А ты его стариком называл, говорил, что ему за нами не угнаться.

– Помолчи! За лошадью своей следи лучше. Как бы ноги не поломала.

Дирт обернулся. Бросил взгляд на лошадь, нахмурился, остановился, взгляделся внимательней и вдруг охнул, схватился за голову. Окликнул севшим голосом:

– Учитель!

- Что? – Лигхт повернулся. – Чего встал?
- Деньги!
- Что – «деньги»?
- Их нет!
- Как нет? – Лигхт тоже остановился.

Дирт растерянно похлопал ладонью по седлу, зачем-то проверил подпругу, посмотрел под ноги.

- Нету... Вот здесь кошель болтался. Около арбалета. На шнурке висел.
- Ты... ты серьезно?
- Пропал...
- Проклятье!... Может ты его куда переложил?
- Да нет же. Когда отдыхать встали, он на месте был. Я мешок с продуктами развязывал...

Они же рядом висят. Вот продукты, на месте, а кошель... Нету!..

– А-а! – прорычал Лигхт. Он набросил уздечку своего скакуна на ближайший куст, торопливо подошел к Послушнику. Внимательно осмотрел упряжь, седло...

– Может веткой сорвало? – неуверенно спросил Дирт. – Сзади где-нибудь валяется на земле... Вернемся, поглядим?

- Паурм! – рявкнул Наставник. – Проклятый вор!
- Что?
- Он подходил к лошадям, когда мы отдыхали?
- Не знаю, не видел...
- Куда ты вообще смотрел, болван!
- Я... я еду готовил.
- Проклятье!

– А может его просто сорвало?

– Нет же! Смотри, болван! Шнурок срезан! Аккуратно, ровно срезан ножом! Это Паурм! Он вор! Он украл все наши деньги! А ты, слепец, даже ничего не заметил!

– Ты тоже, Наставник, – вскинулся Дирт, – ничего не видел!

– Молчи! Это твоя лошадь! И твоя обязанность следить за нашими вещами! Обязанность Послушника!.. – внезапно Лигхт успокоился, словно одернул себя. Махнул рукой. Сказал ровно:

– Ладно... Не время сейчас искать виноватых. Мы тут говорим, а вор уходит все дальше. Давай быстрее!

– Может верхом? – предложил Дирт. – Быстрее будет. Дорога, вроде бы, здесь поровней. Если бы не эти кусты, так и вовсе...

– Верхом? Рискованно... Но лошадей всегда можно купить новых... Сколько хоть там денег было?

– Много, учитель, – Дирт виновато склонил голову. – На целый табун хватит.

– Значит, верхом, – решил Наставник. – Только смотри, будь внимательней! Мы должны во что бы то ни стало догнать его!

– Сделаем! – выкрикнул Послушник, прыгая в седло.

Вскоре задул ледяной ветер, и опухшие небеса пролились дождем. Копыта лошадей скользили по раскисшей грязи, и всадникам стоило немалого труда выдерживать темп движения.

- Он не мог далеко уйти! – крикнул Лигхт из-под капюшона плаща. – Поглядывай вперед.
- Я смотрю! – закивал Дирт.
- И будь готов ко всему! Кто знает, какие подлости он нам приготовил?
- Пусть только попробует!..

Болото вздувалось. Настил гати пьяно колыхался под ногами лошадей. За пеленой дождя ничего не было видно, только порой вдруг выступали из мглы смутные очертания деревьев. Лигхт подумал, что они сильно рискуют, почти вслепую продолжая это преследование. Но он уже не мог отступить. Азарт и гордость Прирожденного гнали его вперед.

И все-таки они настигли вора.

– Вижу! – крикнул Дирт, привстав на стременах.

– Это он?

– Да!

– Не стреляй! Теперь уж ему не уйти! Он наш!

Прирожденные, гикнув, подхлестнули коней. Лигхт выхватил меч, положил перед собой поперек седла. Дирт держал в руке взведенный арбалет.

Болото кончилось. Кончилась гать. От леса остались лишь редкие прозрачные рощицы да темные массивы раkitников. И слышно было, как где-то недалеко, за маревом измороси, гудит, шумит, ворочаясь, туша океана...

Копыта выстукивали глухую дробь. Брызги и комья земли летели из-под копыт. Прирожденные нагоняли вора.

Паурм услышал их, когда бежать было уже поздно. Он обернулся, нелепо взмахнул руками, что-то вскрикнул и бросился по направлению к ближайшему лесочку.

– Обходи справа! – крикнул Лигхт.

Дирт вскинул арбалет, прицелился.

– Не стреляй! – окрикнул его Наставник. И ученик послушно опустил оружие, ударил скакуна пятками, поскакал наперерез.

Паурм петлял, словно заяц. До леса оставалось не больше полусотни шагов, когда Дирт нагнал его и сбил на землю.

– Лежать! – Послушник легко соскочил с седла, нацелил арбалет, свободной рукой молниеносно выхватил меч, приставил к горлу распростертого человека.

– Молодец! – похвалил ученика подъехавший Наставник. – Свяжи его. И обыщи. – Он спешился, снял с седла моток веревки, кинул Дирту.

Послушник поймал веревку, отвел клинок, предупредил своего пленника:

– Не вздумай бежать! Сразу же получишь стрелу промеж лопаток.

– Не побегу, – буркнул Паурм. Падая, он до крови расшиб голову.

Дирт со знанием дела заломил вору руки, обмотал запястья веревкой, завязал сложным самозатягивающим узлом. Дернул несколько раз, проверяя прочность пут и причиняя боль пленнику. Сказал удовлетворенно:

– Да уж. Теперь точно никуда не убежишь. – Он приподнял Паурма, усадил его, обшарил карманы, залез за пазуху.

– Есть! – вытащил похищенный кошелек, прощупал его, тряхнул. – Деньги на месте.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал Лигхт. – Убери. Пересчитаешь позже.

– И что дальше, Наставник?

– Дальше?... – Лигх равнодушно пожал плечами. – Вор должен умереть.

– Эй, – Паурм поднял голову. Щека его была исцарапана, из ноздрей текла густая, темная, почти черная, кровь. – Я всего-навсего украл немного денег. Никого не зарезал. За что же вы собираетесь меня убить?

– Всего-навсего? – ухмыльнулся Лигхт. – Немного? Ты залез в карман к Прирожденным. А это даром не проходит.

– Послушайте, – Паурм говорил негромко и в голосе его была тоска, – я же провел вас через эту жуткую топь. Без меня вы бы точно погибли. Может, сделаем вид, что ничего не случилось и разойдемся в разные стороны?

– Ну уж нет! Пусть это послужит тебе уроком!

– Мне, мертвому?

– Если не тебе, то остальным.

– Кому именно? Здесь никого нет.

– Неважно... Вор должен умереть, – непреклонно сказал Лигхт, извлекая меч из ножен.

И тут земля дрогнула. На какое-то ничтожное мгновение все вокруг вдруг озарилось ослепительной вспышкой. В небе гроыхнуло так, что у людей заложило уши. Паурм втянул голову в плечи, потерял равновесие и неловко завалился на бок. Испуганно заржали лошади, встали на дыбы, замолотили в воздухе копытами.

Вновь сверкнула молния, рывкнул гром.

Дождь притих, словно затаился. В небе клубились жуткие иссиня-черные тучи. Налетел ветер, бешеный, жесткий, колючий. Хлестнул людей по лицам, взъерошил волосы, растрепал одежды.

– Проклятье! – Лигхт осмотрелся по сторонам. Спрятаться было негде. Даже деревьев, годных для того, чтоб укрыться под ними от ненастья, поблизости не наблюдалось. Тот перелесочек, к которому бежал Паурм, надеясь спрятаться от преследователей, гнулся, трепетал, словно готовился сорваться с места и улететь.

– Это надолго, – сказал пленник, криво улыбаясь непонятно чему. – Дня на два, не меньше... Но мне-то что? Я, благодаря вам, буду в краях, где непогода не страшна.

– Заткнись! – прорычал Лигхт, замахиваясь мечом.

Сверкнуло в отдалении – ломаная пика вонзилась в землю. Угрожающие отзвуки грома прокатились по небу. Что-то шлепнулось в грязь возле ноги Лигхта. Он наклонился – сначала ему показалось, что это невесть откуда взявшийся камень, быть может кем-то брошенный – но тут еще один такой же «камень» впечатался в землю чуть подальше, расколовшись на три неровных куска. И Наставник понял, что это такое и испугался. Еще никогда ему не приходилось видеть такие крупные градины – круглые ледышки, размером с кулак ребенка.

– Град, – сказал он.

– Что? – переспросил Дирт, не расслышав.

Теперь грохотало беспрерывно. Молнии вспыхивали одна за другой.

– Град! – прокричал Лигхт.

– Это бывает в наших краях, – откликнулся Паурм. – Если не спрятаться, то куски льда проломают череп, даже такой крепкий, как ваш, – он хохотнул. Похоже, ему действительно было весело.

– Заткнись! – хором прокричали Прирожденные, опасливо, из-под руки заглядывая в черное беснующееся небо.

– А я мог бы показать вам укрытие. Это не очень далеко.

Ледяная горошина ужалила Дирта в щеку. Кусок льда побольше плюхнулся в лужу за спиной Лигхта.

– Что? Укрытие? О чем ты говоришь?

– Я заткнулся.

– Какое укрытие? Где?

– Вы оставите мне жизнь?

Прирожденные переглянулись.

– Ты вор!

– Возможно град не убьет вас, ведь на вас столько железа. Но лошадей вы потеряете точно, – рассудительно заметил Паурм. Он немного помолчал, потом добавил: – Кстати, железо притягивает молнии.

Вновь Послушник и Наставник переглянулись.

– Какое укрытие? – потребовал ответа Лигхт.

– Попробуйте найти сами.

– Тебе в любом случае не жить! Но выбирай: долгие мучения или один-единственный взмах меча.

Паурм усмехнулся:

– Выбор богатый, нечего сказать... А результат один. – Кусок льда ударил его по плечу и он сморщился от боли.

– Думаю, слов достаточно, – Лигхт повернулся к ученику. Дирт сразу же понял учителя, кивнул, положил арбалет на землю, убрал меч. Выхватил кинжал.

– Эй! – Паурм вывернул шею, сделал несколько неловких движений, пытаясь отползти. – Что ты собираешься делать?

– Начну с пальцев, – деловито заявил Дирт. – С ногтей. Без них твои руки станут похожими на руки Прирожденных... А потом... Знаешь, когда укорачивают пальцы – это не очень больно, но видеть самому, во что превращаются твои кисти – не самое большое удовольствие в жизни, поверь мне. А отвернуться ты не сможешь. И даже закрыть глаза не сумеешь. Потому что прямо сейчас я подрежу тебе веки, – Послушник присел на корточки рядом со связанным пленником и поиграл кинжалом перед его глазами.

– Стойте! – не выдержал Паурм. – Здесь недалеко есть старая заброшенная избушка. Я знаю дорогу. Я покажу!

– Подними его, Дирт, – приказал Лигхт. С явной неохотой убрав кинжал в складки плаща, ученик послушался.

– Куда нам идти?

– Одно условие! – дернулся пленник.

– Никаких условий для тебя, вор.

– Не убивайте меня сразу. Дайте мне рассказать...

– Веди нас к укрытию!

– Я хочу только, чтобы вы выслушали мою историю!

– Ты думаешь, это поможет тебе?

– Не убивайте, пока я не закончу рассказ.

– Если ты надеешься проговорить несколько лет, то должен тебя предупредить – я не люблю затянутых историй.

– Нет-нет!

– Тогда вперед! Говори, куда?

– Сперва надо обогнуть лесок, – Паурм дернул головой, показывая направление.

– Кидай его на седло! – скомандовал Лигхт.

Дирт легко подхватил связанного вора, приподнял, положил поперек седла. Предупредил:

– Не дергайся!

– Вы меня выслушаете? – спросил Паурм с надеждой.

– Может быть, – отозвался Лигхт. И пленник затих.

Еще несколько крупных градин шлепнулись на землю. Ветер метался, словно взбесившийся бык на привязи, хрипел, едва не сбивал с ног.

– Во весь опор! – крикнул Лигхт, вспрыгивая в седло.

С востока надвигалась иссиня-черная туча, во чреве которой металась клубки молний.

Град застиг их, когда до укрытия оставалось всего ничего.

– Вон она! – крикнул Паурм.

– Где?

– Прямо кусты! И крыша над ними! Видите?

– Кусты вижу.

– Избушка там. В зарос... – Паурм дернулся, изогнулся, пытаясь показать направление, и в этот самый момент тяжелая ледышка ударила его в затылок. Не закончив фразу, Паурм обмяк.

– Проклятье! – выругался Лигхт. – Надеюсь, он жив?

– Не знаю, – крикнул Дирт.

– Разберемся позже! Давай быстрее!

Всадники подстегнули лошадей, направляя их к кустам. Возле самых зарослей остановились, спрыгнули на землю.

– Вижу! – крикнул Дирт. – Там действительно какой-то сарай.

Подобно горному обвалу, с небес обрушился град. С треском, со стуком, запрыгали по земле крупные горошины. Разметали лужи, поломали, разрешили кустарник. Одна ледышка, размером почти с куриное яйцо, ударила Дирта в шею. Он вскрикнул от неожиданной боли, сжался, плотнее запахнулся в плащ.

– Бегом! – проорал Лигхт во всю глотку.

И они побежали, так быстро, как могли, продираясь через сплотившиеся цепкие сучки, таща за собой ослепших перепуганных лошадей, руками закрывая лица от ветра, стегающих ветвей и безжалостных ледяных горошин.

Хлипкую дверь избушки Лигхт распахнул ударом ноги. Ввалился внутрь, втащил за собой брыкающуюся лошадь. Следом вбежал Дирт. Запнулся о порог, упал на гнилые доски пола. Тотчас вскочил.

– Дверь! – крикнул Лигхт, выхватывая уздечку из рук ученика.

Ветер врывается в дверной проем, бешено свистел в щелях, бился в дощатые стены, грозил сорвать крышу.

Дирт, преодолевая упругое сопротивление бури, закрыл дверь, задвинул ржавый засов. Выдохнул:

– Все!

По крыше, по стенам оглушительно барабанил град. С потолка капало. Через щели в тонких стенах рвался внутрь ветер, сердито свистел, подвывал. Изредка где-то далеко-далеко ворчал гром, почти неслышимый из-за дробного перестука градин.

– Успели! – сказал Лигхт. – Никогда еще не видел такой бури.

– Это бывает в наших краях, – донесся слабый голос. – Сейчас осень. Самое время для бурь, приходящих со стороны моря.

– Живой, – удовлетворенно сказал Лигхт.

– Живой, – вздохнул Паурм. – Может вы меня снимете? Я второй раз спасаю вам жизни, а вы...

– Помолчи, вор, – сказал Дирт, угрожающе замахнувшись.

– Сними его, – приказал Лигхт ученику. – Ослабь немного веревки, но совсем не развязывай. Кто знает, что у него на уме? – Он осмотрелся, спросил у пленика: – Что это за место?

– Когда-то это был охотничий домик.

– Видно, давненько здесь не было людей.

– Да, наверное. Я очень давно не был в этих краях. Вижу, многое изменилось.

– Сколько продлится эта буря, как думаешь?

– Дня два, не меньше.

– Проклятье! Неужели все два дня будет сыпать этот треклятый град?

– Может и перестанет на время, но, пока небо полностью не очистится, наружу выходить не стоит.

– Ты хочешь сказать, что мы застряли в этой дыре на целых два дня?

– Может намного дольше.

– Проклятье! Ты слышишь, Дирт?

– Слышу, – угрюмо отозвался Послушник.

Лигхт обошел небольшую комнатуху по периметру. Осмотрел грубый массивный стол, неказистую скамью рядом. Попробовал прочность полок, наколоченных вдоль стен. Присел возле очага, сунул руку в давным-давно остывшую золу, поворошил холодные угли. Ткнул ногой груды наполовину сгнивших дров. Буркнул:

– Старье!

– Лучше бы вы ничего не нашли, – хмыкнул Паурм. – До ближайшей деревни полтора дня пути.

Лигхт закончил осмотр убежища, остановился возле лошадей. Задумчиво глянул на пленника. Что-то происходило в его душе, что-то связанное с этим жалким человеком, с этим вором, но что именно, Лигхт пока понять не мог. Он прислушался к себе, к своим мыслям, к своим ощущениям... Что-то мешало, что-то...

– Что? – встревоженно спросил Паурм, не зная, как истолковать пристальный оценивающий взгляд Прирожденного.

– Ты украл наши деньги, – сказал Лигхт.

– Ну вот, опять!

– Мои деньги. Его деньги... – Наставник показал на своего ученика, который, не теряя времени даром и не дожидаясь напоминаний, чистил лошадей. – Деньги Прирожденных... Но мало того, что ты нас обворовал, так вдобавок ты хотел нас обмануть. Оставить в дураках. Ты насмеялся над нами, – Лигхт говорил ровно, обращаясь скорее к себе, нежели к пленнику. Обрисовывая сложившуюся ситуацию, оценивая...

– Я спас вам жизни, – напомнил Паурм.

– Да. Возможно. Но преступление все равно совершено. И ты должен быть наказан.

– Я думал, что искупил свою вину.

– Искупление? – усмехнулся Лигхт. – Что это такое? Ты вор и вором останешься... – Он не понимал, зачем ведет этот бесполезный разговор, зачем спорит с пленником, с собой. Что мешает ему прямо сейчас выхватить меч, взмахнуть коротко... И выбросить мертвое тело в беснующуюся непогоду...

– Учитель, – позвал Дирт.

– Что?

– Может разжечь огонь? Все чуть потеплей станет. И поедем горячее.

– Давай, – рассеянно разрешил Наставник.

Что-то мешало взяться за меч и наказать преступника...

И вдруг его осенило – он увидел в этом грязном страннике личность. Привык к нему, притерпелся... Стал воспринимать его как... как равного, что-ли... Не совсем, конечно, но все же... в чем-то...

Лигхт разозлился на себя, на свои нелепые мысли. И еще больше он разозлился на человека, что связанный сидел возле стены, на этого насмехающегося вора, на это ничтожество... Лигхт стиснул зубы, выдернул меч из ножен.

– Эй! – Паурм вздрогнул. – Какая муха тебя укусила?

– Молчи!

– А наш договор? Вы обещали меня выслушать!

Лигхт поднял меч.

– Эй! Три дня торчать здесь! Вы же с ума сойдете от скуки! А я бы мог развлечь вас своим рассказом! Уж поверьте, рассказывать я умею!..

Лигхт сделал шаг.

– Господин, не убивайте меня! Вы же обещали! Выслушайте! Прошу вас!

Лигхт занес меч над головой.

– Нет, господин! Пожалуйста! Прошу! Отсрочку! Маленькую отсрочку!..

- Учитель! – позвал Дирт.
- Что!? – Лигхт резко обернулся к ученику.
- Я не против выслушать его. В конце-концов, если его история будет навевать скуку... – он показал на рукоять своего меча, криво усмехнулся. – Мы найдем, чем себя позабавить.
- Никакой скуки! – пообщал Паурм. Крупные капли пота выступили на его челе, в глазах метался ужас загнанного в угол зверя. – Обещаю!
- Почему мы должны слушать тебя? – спросил Лигхт, опустив клинок.
- Три дня! Всего три дня! Моей жизни!
- Если ты что-то задумал...
- Нет-нет! Это всего лишь рассказ! Просто звуки, слова, фразы!..
- Ты вор! И ты умрешь!.. – Лигхт секунду подумал. Убрал меч. Сказал: – Но не сейчас. Паурм обмяк, словно разом обессилел, прикрыл глаза и тихо выдохнул:
- Спасибо, господин... спасибо...

Град колотил по крыше, выплясывал задорную гулкую чечетку. Стылые сквозняки гуляли по тесной комнатухе, стонали в щелях. Фыркали лошади в дальнем углу, лениво обмахивали бока хвостами, переступали копытами. Сухо потрескивал очаг, выплевывая на мокрый деревянный пол горячие искры.

Лигхт и Дирт сидели возле огня, неторопливо ужинали. Связанный Паурм привалился к стене возле запертой двери и голодными глазами следил, как Прирожденные опустошают миски. Он замерз, он был голоден, тело его затекло... Но он был жив...

Паурм размышлял. Он взвешивал свои шансы.

Три легенды. Три истории.

Всего лишь слова. Фразы.

Сможет ли он заинтересовать Прирожденных? Сумеет ли их убедить?

Он хотел жить.

Паурм чувствовал, что старший способен поддаться... А вот младший... он слишком молчалив. И есть в нем что-то жуткое, дикое. Эта жажда крови, желание причинить боль другому... Паурм вспомнил нож возле своих глаз и содрогнулся. Младший опасен! Но он Послушник, ученик. Он во всем подчиняется старшему, Наставнику. А значит...

Значит шансы есть.

Надо только верно подобрать слова, выстроить фразы.

Это так просто.

Надо угадать...

А это так сложно...

С чего начать?

Чем закончить?..

Старший слаб. У него сильное тело, острый меч. Он привык убивать. Он – Прирожденный. Но глубоко-глубоко в его глазах прячется неуверенность. Паурм встречал таких людей. Людей, которых можно убедить в том, что черное – это белое, а белое – черное. Главное – подобрать слова, угадать...

Старший слаб.

А младший подчиняется слабости...

Паурм усмехнулся.

Все же он надеялся выжить...

Закончив трапезу, Лигхт поднялся, потянулся. Вслушался в звуки бьющейся снаружи бури, коснулся рукой содрогающейся под порывами ветра стены, поднял голову, посмотрел на подтекающий потолок. Подошел к крохотному оконцу, затянутому какой-то прочной мутной

пленкой, возможно бычьим мочевым пузырем или чем-то подобным, попытался рассмотреть, что творится на улице. Естественно, ничего не разобрал. Пробормотал:

– Темно.

Дирт бросил в огонь последнее полено. Сказал:

– Дров больше нет.

– Что? – повернулся к нему Лигхт.

– Дрова кончились.

– А... Вон, на стенах полочек сколько. Чем не дрова? Сдирай, ломай, подбрасывай.

– Да и стол-то нам особенно не нужен.

– Верно...

Они помолчали, слушая беснующуюся непогоду. Потом Лигхт спросил:

– Овес у нас остался?

– Самая малость.

– Тогда побереги. Лошадей покормишь утром.

– У нас отруби есть. И хлеба еще много.

– Если мы действительно застряли здесь надолго, то и хлеб не пропадет...

В избушке было темно, только возле открытого очага металась по полу, по стенам алые всполохи, освещали сидящего Дирта, румянили ему лицо.

– Может мне дадите какую-нибудь корочку пожевать? – попросил из тени практически невидимый Паурм.

– Боишься умереть от голода? – усмехнулся Лигхт.

– Мертвецам еда ни к чему, – хмыкнул Дирт.

– А ты попробуй, укради у нас корочку. Мы можем даже отвернуться ненадолго.

Прирожденные рассмеялись.

– Ладно, – посерьезнев, сказал Лигхт. – Еду надо зарабатывать. Рассказывай обещанную историю. Самое время – делать уже нечего, а спать, вроде бы, рано.

– А я бы прямо сейчас прилег, – Дирт демонстративно зевнул.

– Рано! – отрезал Наставник. – Учись бороться со своими желаниями... Эй, как там тебя? Паурм, начинай рассказ! Надеюсь, мне не придется жалеть, что я подарил тебе несколько дополнительных часов жизни.

– У меня во рту пересохло, – негромко сказал пленник.

– Дирт, влей ему в глотку немного воды.

– Чаю?

– Обойдется. Сырой воды.

Дирт неохотно поднялся, поставил немытую плошку под падающие с потолка капли.

Усмехнулся:

– Вода самая что ни на есть свежая.

Когда миска наполовину наполнилась, он поднес ее к губам Паурма. Сказал с издевкой:

– Можешь попытаться вылизать ее, там на стенках остался жир, заодно и поешь. Надеюсь, язык у тебя достаточно длинный.

Паурм прикусил край миски, вытянул губы трубочкой, шумно всосал воду, сглотнул.

– Напился? – спросил Лигхт.

– Нет.

– Не тяни время! Начинай! А если рассказ нам понравится, то получишь еще воды. И, кто знает, может и кусок хлеба впридачу.

– Тюремная трапеза, – хохотнул Дирт, возвращаясь к очагу. – Ты же сейчас узник.

– Вместе сидим, – тихо и угрюмо заметил пленник. На его слова не обратили внимания, а, быть может, просто не услышали.

– Начинай! – вновь приказал Лигхт.

– Хорошо... – Паурм откашлялся, прохрипелся, сплюнул на пол мокроту. – Присаживайтесь поудобней. История длинная.

– Вот это дело, – сказал Лигхт, пододвигаясь поближе к огню. – Не люблю коротких историй.

Паурм подождал, пока Прирожденные устоятся. Прикрыл глаза. Выдержал паузу.

– Ну? – поторопил Лигхт.

И Паурм заговорил:

– Бывает – большая серая птица сядет ночью на крышу дома, рассмеется, словно человек, рывкнет медведем, пролает собакой. Разбудит хозяина, и он откроет глаза, глянет на жену рядом, торопливо прошепчет молитву...

Бывает – изъеденная луна заглянет в окно, осветит беременную женщину, побелит ей лицо, выседит волосы. Серебряное холодное свечение заползет украдкой в горло, выстудит утробу...

Бывает – злой человек глянет искоса дурным глазом, плюнет на тень, придавит ногой...

И тогда рождается мальчик, глаза которого искрятся позолотой. Мальчик, на руках у которого нет ногтей.

Сын не своих родителей.

Прирожденный воин...

Воином он родится. Воином он является с самого первого дня жизни. И в этом нет его заслуги.

А бывают другие. Те, кто воинами становятся.

И среди них бывают те, кто воинами остаются навсегда...

Паурм забыл кто он, где он. Медленно, нараспев вел он свой рассказ. Слегка раскачиваясь в такт словам. И в голосе его слышалось множество голосов.

Прирожденные внимательно слушали.

Легенда первая: Деды

1

Шесть домов стояли на холме. Шесть бревенчатых изб. Они походили друг на друга, как братья-близнецы. При рождении, сразу после постройки, они вообще были неотличимы друг от друга, ведь ставила их одна плотницкая артель, строила просто, без затей, единым махом всю деревню, всю под одну гребенку. И потому вышли дома как две капли воды похожими друг на друга и снаружи и внутри. Но годы меняют близнецов. Плотники ушли, в дома заселились люди и стали жить, меняя облик своих жилищ, пристраивая сарайчики, перекрывая крыши, украшая резными наличниками окна. Внешний вид домов менялся, но срубы все равно выдавали, что все они – близнецы-братья.

Время шло. Люди уезжали, умирали, менялись поколения, а дома все стояли и потихоньку старели. Чернели бревна, понемногу перекашивались стены; снег, ветер и дождь, то попеременно, то все вместе обдирали драпку с крыш. Но бригада плотников знала свое дело, и прочные срубы по-прежнему были крепки.

Шесть изб стояли на холме. Хотя нет, их было больше. Целая деревня. Небольшое село. Но только эти шесть были жилыми. Остальные давно заросли бурьяном и крапивой, их двери пустили корни в землю, стропила сгнили, крыши провалились, в оконных проемах и печных трубах ночами завывал ветер, и казалось, что это сам дом плачет, брошенный и ненужный. Забытый. Одинокий.

Страшно было ветреными ночами в плачущей деревне непривычным людям.

Впрочем, давно уже не появлялся здесь посторонний человек.

Только шесть домов не плакали ночью. Они стояли тесно на самой вершине холма. Стояли кружком, обступив со всех сторон еще один маленький, поросший мхом покосившийся сруб – вросший в землю колодец со скрипучим воротом.

Внизу, под холмом, текла небольшая речушка. И от нее тянулась вверх по пологому склону трещина оврага. Тянулась к деревне, к домам, каждый год ширясь и удлиняясь, осыпаясь песком, подползая все ближе и ближе. Вон уже самая крайняя изба рухнула вниз, раскатилась на бревна, и не плачет больше под порывами ветра. Сколько еще потребуется времени, чтоб и остальные осели туда же? На дно. Под песок...

А с другой стороны холма наступал на деревню лес. Густая поросль молодых березок уже захватила старые заброшенные огороды. Пройдут годы, и на этом месте вырастет светлая роща, а потом она забуреломиться, помрачнеет, опутается лианами хмеля, порастет колючим кустарником и жгучей лесной крапивой, высокой, дремучей...

Лес или река, кто быстрее доберется до деревни? Увидит ли это кто-нибудь?

2

Дварф колол дрова.

Он был широкоплеч и приземист, кряжист. Но, прежде всего, он был стар. Старость оставила ему силу, но забрала нечто другое – Дварф был слегка не в себе.

Топор не был приспособлен для колки дров. Когда-то, давным-давно, именно с этим топором Дварф ходил в боевые походы. Плоское лезвие, раньше острое и отшлифованное до зеркального блеска, теперь помутнело, исцербилось от непривычной крестьянской работы, потеряло былую бритвенную остроту, но Дварфа это обстоятельство нисколько не смущало – при известном терпении и сноровке, топор вполне годился для того, чтобы раскалывать на ровные поленья звонкие березовые, вязкие осиновые и смолистые еловые чурбаки.

Старый Дварф подтаскивал очередной отпиленный пенек, торопливо смахивал пот с морщинистого лба, тщательно примерялся, высматривая трещинки и сучки, затем широко размахивался, гукал, выдыхая, и ударял топором точно в нацеленное место. Слишком тонкое лезвие постоянно застревало в древесине, но Дварф, поплевав на ладони, ловко выдирал его, перехватывал, вновь примерялся и наносил очередной удар. Ему нравилось эта работа.

Он был силен, несмотря на свои годы. Несмотря на то, что тонкая пергаментная кожа складками висела на натянутых веревках мышц, что лицо его, изъеденное морщинами, походило на печеное яблоко, а по ночам болели суставы, и кости стали хрупкими и ломкими.

Дварф – так прозвали его в деревне. Настоящего его имени не знал никто, похоже, и он сам давно забыл свое имя. Старики поговаривали, что в жилах этого широкоплечего маленького коротконогого человека есть примесь гномьей крови. Впрочем, возможно, что это все досужие вымыслы. Разве кто-нибудь когда-либо встречался с гномами?..

На низенькое, в три ступеньки крыльцо вышла из дома Би – немолодая полная женщина в балахонистом, глухо запахнутом халате.

– Хватит, Дварф, – сказала она, вытирая руки о подол. – Уже достаточно. Спасибо тебе.

Он остановился, отставил топор в сторону, оперся на длинную ручку.

– Да?

– Да. Хватит. Спасибо.

– Хорошо. Но тут еще много.

– Давай в следующий раз.

– Хорошо. Я прииду еще. Ты позови. И, пожалуйста, не давай больше никому колоть.

Меня зови. Ладно?

– Конечно, Дварф. Обязательно позову. Может заглянешь, чаю выпьешь?

– Нет, Би, спасибо. Я вечером приду. Как обычно. Со всеми.

– Приходи. Обязательно приходи.

Пронзительно заскрипел воротом колодец. Дварф обернулся.

Возле колодца стоял полуголый Кречет и доставал из глубины сруба тяжелое мокрое ведро. Поставив ведро на землю, он приветливо кивнул соседям и громко поздоровался:

– Привет, Дварф.

– Доброе утро.

– Привет, Би! – крикнул Кречет женщине. – Никак Дварф все дрова у тебя переколол?

– Точно, – Би улыбнулась. Дварф тоже расплылся в широкой улыбке. – Придешь сегодня?

– А как же! Чтобы я да не пришел к любимой женщине!

– Ну, тебя! – Би отмахнулась. – Старичье!

– Старичье, может и старичье, да хозяйство-то – ничье! – Кречет захохотал, похабно подмигнул Би, наполнил колодезной водой оба ведра, с трудом поднял их, расплескав чуть

ли не половину, и пошел к своему дому – высокий, худой, жилистый; проплешина на затылке отсвечивает утренним солнцем.

Улыбающаяся Би ушла в избу.

Запыхавшийся Дварф нагнал Кречета, просительно дернул его за штанину:

– Слышь, Кречет. Давай я тебе дрова порублю.

– Ты же у меня три дня назад все расколол. Забыл что-ли? Вон поленица стоит. Только вчера сложил.

– Да? – удивился Дварф. – А может у тебя еще есть?

– Нет у меня. Ты лучше к Урсу подойди. У него точно неколотые дрова есть.

– Да? – переспросил Дварф.

– Говорю тебе! Ты думаешь, что это он каждый день в лес бегает? Не иначе, как за дровами.

Дварф встал на месте, опустив топор и задумался. Голова его, с гривой нечесаных черных волос, чуть тронутых сединой, слегка подергивалась.

Кречет подошел к своему дому, кряхтя, поднялся на крыльцо и исчез за дверью. Дварф все стоял и о чем-то напряженно размышлял, все слушал непослушные неясные мысли, пытался выстроить их, упорядочить...

Урс бегом возвращался в деревню. Тяжелый двуручный меч в ножнах колотил его по бедру. Пот заливал глаза. Судорожно сжималось пересохшее горло. Стучало, металось в груди обезумевшее сердце. Рядом с Урсом, у его ног, бежал большой лохматый пес.

Они возвращались с тренировки.

Каждое утро, когда все старики еще спали, а красное набухшее солнце только-только выглядывало сонно из-за горизонта, и туман стелился по земле, засеивая траву росой, Урс выбегал из дома, окатывался возле колодца холодной водой, припасенной загодя со вчерашнего вечера – ни к чему будить соседей в такую рань визгливым скрипом ворота – и бежал в лес, на тренировку. Заслышав хозяина, выползал из-под крыльца пес Берг – умное, добродушное существо и несясь вслед за ним, останавливаясь возле знакомых кустиков, углов и деревьев и привычно задирая заднюю лапу.

Урс не верил в свою старость. Он не мог представить себя дряхлой развалюхой. Древней руиной. Стариком. Не мог!.. Но он был им. Все они – жители полузаброшенного умирающего селения – были стариками, и сама деревня тоже была старухой, и потому и жили они здесь, старея все вместе, наблюдая друг за другом, за деревней, за брошенными домами, за подползающим оврагом, за подступающим лесом, наблюдая и ожидая: кто? Кто будет первым? Кто уйдет, опередив остальных? Чей дом опустеет? Кто не выйдет утром на крыльцо, и баньши, осиротевшие духи дома, которых никто никогда не видел, завоюют, завопят, запричитают в ветреную погоду. Кто? Когда?.. Все старики, так или иначе, чаще или реже, задумывались об этом. Разве только ослабевший разумом Дварф жил словно ребенок, не мучая себя подобными вопросами, не задумываясь о времени, о старости, о скором конце. И еще Урс. Опытный воин. Он не мог позволить себе быть стариком. Всю свою жизнь он боролся и побеждал, так неужели он проиграет эту битву? Битву со временем, с самим собой, со старостью. Битву за жизнь. Свое последнее сражение... Вот почему он каждое утро начинал с изнуряющей гимнастики, вот почему он не забросил на пыльный чердак свой меч. Раньше у него было много врагов. Теперь остался только один. Враг номер один. И от него не убежать, не спрятаться. Враг этот всюду – смотрит на тебя из медной отшлифованной тарелки зеркала, заглядывает глазами стареющих друзей, иссушает их лица, незаметно пожирает плоть. И преждевременная усталость в мышцах – это тоже он. И ослабевающая память. И замедленная реакция. И боль... Все это он, но своего имени у него нет, только это слово, это прозвище – его прозвище – старость.

И это ты сам...

У подножья холма его встретил Дварф:

– Привет, Урс! – издали крикнул он и радостно замахал рукой.

– Привет, – Урс добежал до соседа и остановившись, стал покачивать головой из стороны в сторону, хрустя шейными позвонками, разминая бугры мышц.

– А где дрова? – спросил Дварф, обшарив взглядом мускулистую фигуру Урса и внимательно оглядев собаку.

– Какие дрова? У дома, конечно.

– А ты из леса ничего не принес?

– Нет. А что я должен был принести?

– Дрова. Мне Кречет сказал... У дома, говоришь? А! Слушай, Урс, давай я тебе их поколю.

– Так я их еще неделю назад все расколол.

– Да? – Дварф явно расстроился. – А больше нет?

– Больше нет. Куда мне больше? На зиму хватит.

– А я поколоть хотел. Люблю колоть! Ты любишь колоть, Урс?

– Да, – Урс кивнул. – Ну, ладно, сосед. Некогда мне. – Он хлопнул Дварфа по плечу и побежал вверх по склону, к избам, к колодцу с холодной водой.

Дварф проводил его взглядом, затем обернулся на лес, откуда выбежал Урс, о чем-то задумался, глядя на деревья. Потом улыбнулся по-детски и стал неторопливо подниматься к деревне, волоча за собой топор, словно плуг.

Вигор проснулся оттого, что кто-то плескался у колодца, громко фыркая и отдуваясь. «Урс», – определил Вигор и перевернулся на бок, поглубже зарывшись в подушку.

Он еще долго лежал под одеялом в некоем полусонном оцепенении, слушая звяканье цепи, стук душики ведра, плеск воды и звучное фырканье соседа под окнами. Потом Урс ушел, и воцарилась тишина. Только просительно и негромко мычала корова у Би на подворье, да время от времени хрипло кукарекал петух.

Вигор вроде бы не спал, но проснуться окончательно все никак не мог. Под одеялом было тепло, уютно. Даже суставы почти не болели. И отсутствующая рука, убаюканная постельным теплом, перестала зудеть. Вигор знал, что стоит только ему подняться, опустить ноги на пол, как тотчас маленькие буравчики вгрызутся в плечо, в локоть, и вернется привычная боль, незлобивая, какая-то мягкая, домашняя, грызущая скорее для порядка, чтоб не забыли о ней, чтобы берегли, кутали в тепло, не жили...

Вигор решительно откинул одеяло правой рукой – левой не было, только короткая культя торчала багровым обручком из плеча, – и закричав от предчувствия боли, опустил босые ноги на пол. Опершись на спинку кровати, он поднялся, замер на какое-то время, медленно расклевываясь и приходя в себя, хлопая слепыми спросонья глазами, двигая седыми зарослями бровей, морщина лоб. Странная фигура – худой до болезненности, однорукий, восково-бледный. Массивный лысый череп на тонкой соломинке шеи, оттопыренные уши, мочки которых, отягощенные большими металлическими кольцами, почти достают до плеч...

Наконец Вигор окончательно очнулся и прозрел.

– Эх! – сказал он громко и притопнул ногой. Все-таки, несмотря ни на что, ему нравилось жить.

В деревне только Би держала скотину. Корова, коза, дюжина куриц во главе с петухом – вот и все хозяйство. Но у остальных и того не было. Только небольшие полудикие огороды и еще садик с десятком сохнувших одичалых яблонь у Кречета за домом. Сидеть бы всей деревне на одних овощах, если бы не Би. Молоко, сыр, яички, а по-праздникам и курятинка разнообра-

зили меню деревенских дедов, а уж они всегда чем могли помогали Би. Дров из леса привезти, поколоть, воды наносить, огород вскопать – всегда пожалуйста...

Би вышла на крыльцо, неся в руке ведро с пойлом. Подошла к массивным воротам двора, поставила ведро на землю, убрала подпирающую ворота палку, с усилием потянула за железное кольцо. Неохотно разошлись тяжелые створки, отворились со скрипом. Брызнули из темноты двора на свободу куры, разбежались по изумрудной траве, принялись царапать почву ногами, выискивая, выклеывая не то насекомых, не то какие-то корешки. Конечно, надо бы было их раньше выпустить, едва только солнце встало, но пришел этим утром Дварф с топором, взялся колоть дрова, и Би как-то забыла открыть двор, проветрить его, выпустить томящихся птиц.

Она бросила курам горсть овса, и сразу завохтал петух, подзывая несущек к зерну, делая вид, что и сам клюет, кружа на месте, тряся бородой, шаркая крыльями по земле.

Би вошла в загон к корове, подставила к ее морде ведро с пойлом. Корова, пуская пузыри, выпила густую жидкость и длинным языком стала собирать со дна ведра комья вареного картофеля и разбухшего зерна. Вылизав все до крошки, она глянула на хозяйку черными грустными глазами и просительно потянулась к ней.

– Ну-ну! Не дури! – сказала Би, ладонью отстраняя мокрую морду.

Би сходила в дом и принесла ведро под молоко. Сунув корове подсоленую хлебную горбушку, она ласково похлопала животное по мослистой спине, и присев на корточки, принялась за дойку. Зазвенели, забились белые струйки, пахло парным молоком.

– Поздно доишь, – сказали за ее спиной. Не оборачиваясь, Би по голосу узнала гостя.

– Доброе утро, колдун, – бросила она через плечо, не прекращая работы.

– Какой я тебе колдун? Сколько раз говорил, а ты все заладила – колдун, колдун, – Вигор вышел из-за ее спины, встал возле коровы, опершись на свою длинную клюку. – Безрукий колдун, все равно, что безногий путешественник. Звала бы меня по имени, как все. А то придумала тоже – колдун...

– Не идет тебе твое имя. Вигор. Нет. Не подходит. Колдун ты. Хоть и без руки.

– Тьфу, баба! – раздраженно сплюнул на земляной пол старик. Недовольно колыхнулись кольца в ушах. – Как с тобой говорить!

– Не сердчай, ладно. Так уж я. Шучу.

– Шучу, – прокрипел Вигор, передразнивая женщину. Он еще раз плюнул на пол, ткнул посохом в землю. Постоял немного, наблюдая, как из кулаков Би брызжут в ведро тонкие струйки молока и спросил:

– Ланс не выходил? Не видела?

– Нет, а что?

– Вчера вечером его не было? У тебя? Не было. Как в обед ушел, так и не показывался. Верно ведь? Надо бы дойти к нему. Как бы чего... – Вигор не закончил фразу, но Би все отлично поняла.

– Сейчас, сейчас. Закончу только. А сам то что? Боишься?

– Скажешь тоже! – оскорбился Вигор. – Да я! Ну... Так... Боязно, конечно. Немного... Не по себе, если там... что...

– Ладно, сейчас иду... Уйди, ради бога, не стой над душой.

– Может помочь чего?

– Да что ты поможешь? Сам наверное не намного Ланса младше, а все в помощники набиваешься.

Вигор ухмыльнулся:

– Младше! Скажешь тоже! Я тут самый старый. А Ланса я годов на тридцать постарше буду.

– Ладно тебе, – рассмеялась Би. – Столько не живут!

– Что я, вру по-твоему? – возмутился Вигор.

– Иди уж!

– А-а! Баба! – старик еще раз колупнул землю посохом и, покачивая головой, ушел на улицу.

Би закончила доить корову, вытерла о фартук руки и поднялась, с трудом распрямив затекшую спину.

– Ей, Вигор! – крикнула она. – Не ушел еще? Молоко помоги донести!

Ей никто не ответил.

– Не слышишь, что ли?! – она наклонилась, взялась было за ведро, но тут увидела что-то в молоке, склонилась еще ниже, разглядывая и громко выругалась:

– Колдун чертов! Как есть колдун, чтоб тебя разорвало!

В молоке плавали комья. Оно скисло за считанные минуты.

Дом Ланса располагался в непосредственной близости от оврага. Каждой весной, когда талые воды сбегали с вершины холма к реке, размывая землю, осыпающаяся песком трещина подбиралась все ближе и ближе к этой избе. Именно к этому дому. И жители деревни видели в этом некий знак. Ланс, старый мастер-копейщик, служивший еще в войске Императора, видевший самого Прирожденного Повелителя, участвовавший в трех Великих Битвах, дряхлел на глазах, угасал. И тянущееся щупальце оврага словно знало это, будто ждало того момента, когда опустеет изба, чтобы наконец заползти под нее, подкопаться, обрушить оставшееся без хозяина, без защитника строение. Похоронить...

Би постучала в дверь. Постучала для приличия, поскольку знала, что Ланс глуховат, и если даже все с ним нормально, если сидит он дома и смотрит в окно, или перебирает свои старые вещи, все равно ее не услышит и не откликнется на стук. Она оглянулась на Вигора и спросила:

– Зайдешь?

– Нет. Я здесь постою. Ты иди, если что – крикни. Я подожду.

– Ладно.

Би толкнула дверь. В сенях было пусто. Лишь старое копье стояло в углу. Древко его потрескалось, наконечник заржавел. Теперь Ланс использовал свое оружие только в качестве дверного засова. Впрочем, запираť входную дверь он давно уже перестал. Кого ему было бояться в этом глухом месте, в этой деревне, где, кроме него, живут всего-то пять человек, четыре деда и пожилая женщина? Все свои...

Би нашла Ланса в комнате. Старик лежал на кровати, укрывшись серым, засаленным по краям одеялом. Серые волосы его разметались на грязной подушке. В комнате кисло пахло.

Би подошла к кровати, осторожно коснулась лежащего. Ланс открыл глаза и немигающим взглядом уставился на нее. Женщина вздрогнула. На какое-то мгновение ей показалось, что старик мертв, и распахнувшиеся глаза его тоже мертвы. Но Би сразу взяла себя в руки и строго сказала:

– Что ж ты спишь столько! Мы уж волноваться стали. И грязь у тебя какая! Прибрать бы надо.

– Чего? – Ланс высвободил из-под одеяла тонкую, в пигментных пятнах руку и приложил ковшик ладони к уху. – Чего говоришь?

– Вставай! – громко скомандовала она. – Хватит спать!

– Сейчас, сейчас, – Ланс закивал головой, но из-под одеяла не вылез. Он заерзал по кровати, чуть приподнялся на локте, слепо вглядываясь в Би, словно натужно пытаясь что-то вспомнить... И наконец произнес:

– Би! – сказал так, словно обрадовался, что нашел все-таки в закоулках памяти образ женщины, стоящей перед ним, узнал ее, вспомнил имя. – Би! – повторил он. – Что случилось?

– Да ничего. Просто ты уже сутки не показываешься из дому.

– Да? – удивился Ланс. – А я сплю вот.

– Ты ел?

– Ел, ел, – он закивал головой. – У тебя ел. Помнишь?

– Так это же давно было. Наверное проголодался?

– Нет. Есть не хочу. Поспать еще...

– Вставай. Тебе надо поесть. А я уберу у тебя. Белье постираю.

– Чего? – переспросил Ланс и улыбнулся, извиняясь за свою глухоту.

– Вставай! – приказала Би. – Я сейчас вернусь, – она вышла, чтобы не смущать старика, чтобы дать ему время вылезти из-под одеяла и одеться.

Вигор, опершись на свой неизменный посох, стоял возле крыльца и разговаривал с только что подошедшим Кречетом.

– Ну, что там? – спросили деда одновременно.

– Сейчас встанет, – ответила Би. – Все время спал, даже не ел. – Она покачала головой, вздохнула.

Кречет и Вигор переглянулись.

– Сдаст старик, – негромко произнес Кречет.

– Посмотрю я на тебя в его годы, – сказала Би.

– Я столько не проживу.

– Куда ты денешься?..

– Да. Куда я денусь, – вздохнув, признал Кречет. – Но уж лучше...

– Что вы тут его жалеете? – вмешался Вигор. – Расплакались! Он еще крепкий старикан, выползет сейчас на крыльцо, воздуха свежего вдохнет, взбодрится, а вечером еще и под юбку к тебе ползет...

– Тьфу! Вам дедам всем на погост давно пора, а вы все об одном...

– Правду говорю, – продолжал Вигор. – Ланс еще тот. Притворяется он. И глухим притворяется и немощным. Плохо ли ему так? Работать не надо – ты же ему и есть приготовишь, и постираешь, и убереешь. Он еще нас всех переживет здесь. Вот я – годов на сорок его постарше буду. А еще хоть куда. Только руки нет. Что я без руки могу?..

– Ладно, – прервал его Кречет, – пойдем поглядим, как он там.

Все трое они поднялись на крыльцо и вошли в избу.

3

Каждый вечер деда собирались дома у Би.

Ежевечерние посиделки стали привычкой, привычной потребностью. Единственное развлечение – посидеть, поговорить неторопливо, обсудить дела, вспомнить былое, позубоскалить, похвастаться болячками. Собственно, только ради вечера и проживали день старики. С самого утра деда ждали момента, когда можно будет заглянуть к Би. Припасали нехитрое угощение, готовили анекдоты, вспоминали прошлый вечер, чтобы вернуться к неоконченному разговору. Каждый выстраивал свой план. Но хозяйничала всегда Би. Только Би. И всех это устраивало, даже ворчливого Вигора.

Только Урс редко заглядывал на огонек. Его тяготила столь близкое общение со старостью. Не со стариками, нет. Именно со старостью. Ведь это она – старость – говорила устами его друзей, она жаловалась на боли в суставах, на бессонницу, на слабость, она заставляла людей вспоминать прошлое и не строить далеко идущих планов. Именно она была виновата в том, что Ланс – доблестный воин, солдат, каких мало было и каких, возможно, больше никогда не будет, превратился в горбатого, высохшего старика, глухого и подслеповатого... Пять человек соберутся вечером. Пять друзей. Но вместе с ними сядет за стол и она – главный собеседник. Старость.

Редко заходил Урс в гости к Би. Только если надо было обсудить какие-то дела. Сбор урожая, ремонт дома, подготовку к зиме. Но и тогда он стремился поскорей перейти к делу, решить все вопросы и уйти. Домой. В одиночество.

Он рано ложился спать. Ему надо было рано вставать. Он не мог позволить себе нежиться в постели. Ведь этого хотела Старость.

А остальные деда сидели у Би долго.

Садилось солнце. Высыпали на небо звезды. Би зажигала лампу и сразу становилось чуть жутковато от теней в углах, и старики понижали голос, теснились, жались к лампе и друг к другу и рассказывали древние легенды. Словно детям, им нравилось пугать и пугаться, хотя в действительности, наверное, уже ничто не могло внушить им страх.

Каждый вечер они сидели у Би. Всегда. Зимой, когда за окнами завывает пурга и так тепло и уютно в натопленной избе. Летом, беседуя под треск ночных цикад. Осенью, когда шелестит по крыше дождь, вгоняя в дрему. Весной, слушая, как с тихим шелестом оседают подтаявшие сугробы и вздрагивая от неожиданного грохота ломающегося льда на вздувшейся реке.

Сидели допоздна. Им некуда было торопиться.

К вечеру у Вигора разболелись суставы.

Он еще походил по дому, выметая пыль из углов, сдирая паутину с потолка, пытаясь работой заглушить грызущую боль, но потом сдался и лег на кровать.

Согревшись под одеялом, он почувствовал себя чуть лучше. Было тихо, так тихо, что слышно было, как стучит в висках кровь. Вигор лежал, смотрел в закопченный потолок, на путанный рисунок разбегающихся трещин, думал о чем-то пустом и неуловимом и сам не заметил как задремал.

И привиделось ему нечто странное. Будто встал он с кровати, поднялся легко. Не болели кости, мышцы были налиты силой, и бурлила в нем энергия. Та самая энергия. И было у него две руки. Обе здоровые, невредимые. И сам он был другой. Словно переродился в один миг, превратился в кого-то сильного, молодого.

И это был он сам. Он чувствовал это. Знал. И еще он чувствовал, как из-под земли рвется к нему что-то темное. Злое. Страшное. Старое. Стремится сквозь почву, сквозь доски пола. Лезет упорно, карабкается наверх, к нему, в Вигору, к магу.

Ужас наполнил его сердце. Волна холода пробежала по коже. Застыла кровь.

Он не знал что это.

Но он догадывался.

Заколыхался под ногами пол. Застучала запертой щеколдой крышка хода в подпол. Выгнулись горбом доски, едва не сбив его с ног.

Он сделал шаг назад.

Из щелей потянулся вверх черный дым. Стал густеть, затвердевать, приобретая форму.

Вигор хотел закричать, но не смог. Ужас сдавил горло. Он обмер. Окаменел, не в силах пошевелиться.

Но руки! Его руки двигались сами по себе. Тонкие сильные пальцы сплелись в замысловатую фигуру. Фигуру Силы. Плечи поднялись, открывая канал. Предплечья наполнились жаром, закололо кожу, мелко завибрировали кости, сухожилия. Энергия!

А черная тварь перед ним росла. Принимала знакомое обличье. Неужели?

Туман.

Вот она уже раскрыла пасть, потянулась к нему, обдав могильным холодом, сыростью и вонью.

Но его руки делали свое дело. Две руки! И он выбросил их перед собой. Сунул в пасть демону фигуру Силы. Выплеснул теснящуюся энергию.

Махнул руками...

Рукой...

И боль в суставах отозвалась на резкое движение. Вернулись буравчики.

Черная тварь исчезла, лишь бешено стучало сердце. И страх бежал по венам.

В воздухе пахло паленым.

Он закричал, не понимая где он, почему он лежит на кровати, где его левая рука, и откуда эта боль, и куда исчезла тварь, и что произошло вообще?!

Он вскочил, ничего не соображая, растерянно ворочая головой, приходя в себя и наконец осознал, что это был лишь сон, наваждение. Понял это, но сердце все колотилось, и страх не хотел уходить.

Вигор опустился на кровать, присел на край и только тогда заметил.

Одеяло, сброшенное резким движением на пол, обуглилось на углу и дымилось.

Вигор, ничего не понимая, долго смотрел на дым. Затем поднял к лицу руку, и испуганно уставился на нее. Так, должно быть, смотрят на пса, домашнего любимца, внезапно взбесившегося и искусавшего хозяина. Так смотрят на предавших друзей. Недоумевая. Растерянно. Испуганно.

Вигор смотрел на свою ладонь.

Ладонь светилась, и меж пальцев с негромким трескучим шелестом проскакивали голубые искорки разрядов.

Кречет все никак не мог решить.

Рано или уже пора?

Возле печки у него стоял большой кувшин, в котором настаивалось домашнее яблочное вино.

Он никак не мог вспомнить, когда же он поставил напиток бродить? Сколько прошло времени? Недели две? Месяц? Память, иной раз, играла с ним странные шутки.

Так толком и не вспомнив, Кречет снял крышку, понюхал, отлил немного в глиняную кружку, поставил тяжелый кувшин на пол и пригубил. Почмокал, пробуя кисловатый вкус, отпил еще, побольше. Допил до конца.

– Ладно, – сказал себе решительно, – наверное, хватит!

Он заскрипел, застучал ящиками стола, долго рылся в шкафу и наконец отыскал чистый льняной лоскут. Накинув тряпицу на горлышко кувшина, стал цедить жидкость в медную посудину. Вино текло неохотно, слабой тонкой струйкой просачивалось через плотную ткань. Несколько раз Кречет останавливался, отставлял кувшин и стряхивал с тряпичного фильтра бурую яблочную гущу.

Наполнив металлическую кастрюльку, он взвесил кувшин в руке. Оставалась еще половина, не меньше.

– На следующий раз, – решил он вслух, и рассердился на себя, на эту свою недавно обнаружившуюся привычку разговаривать сам с собой. – Хватит! – сказал он непонятно к чему – не то вина налитого достаточно, не то обрывая ни к кому не обращенный монолог.

Кречет поставил кувшин на место, прикрыл его крышкой, набросил сверху мокрую тряпицу – пусть сохнет – и еще долго ходил по комнате, решая, что же еще прихватить с собой.

Он подошел к окну, облокотившись на широкий подоконник, выглянул на улицу. Солнце клонилось к западу. Пора уже выходить.

Он прихватил медную посудину, у порога оглянулся на комнату, но взять больше было нечего, и он вышел из избы.

Сперва зайти к ближайшему соседу – к колдуну Вигору. Затем за Дварфом. Впрочем, коротышка, скорей всего, уже сидит у Би. Чай пьет. Говорит что-нибудь бессвязно. За Лансом зайти обязательно. Хоть поест старик нормально. Встряхнется. Урс, конечно, не пойдет. Даже звать не стоит. Повозится с собакой, а, как стемнеет, сразу спать ляжет. Странно, как он живет один? За весь день парой слов перемолвится с соседями и все. Будто избегает. Хотя товарищ он, вроде, не плохой. И человек хороший – никогда не откажет, если кому помочь надо...

Кречет обогнул свой дом и стала видна изба Урса – тоже ближайший сосед, как и Вигор, только с другой стороны. Хорошее все-таки хозяйство у Урса. Ухоженное. Двор ровный, крыша перекрытая, окна побеленные, забор стройный, хотя зачем ему этот забор?.. Огород вон раза в два больше чем у него, у Кречета.

А вот и он сам. Так и есть – возится с собакой, кормит.

– Эй! Урс! – крикнул Кречет.

Сосед выпрямился во весь свой богатырский рост, развернул плечи – длинные седые волосы распущены, не перехвачены веревочкой в косичку-хвост, как обычно. Издалека и не скажешь, что на пять лет постарше он Кречета будет. Поднял голову пес – как там его? – Берт.

– Пойдем, посидим! – предложил Кречет. Громкие слова далеко разносятся в тихом вечернем воздухе. И река внизу, под холмом, делает звуки еще звонче, передает их еще дальше. И лес за деревней, такой темный, мрачный в эту пору, отвечает приглушенным эхом.

– Нет, спасибо, – Урс покачал головой, потрепал собаку за уши. – Как-нибудь в другой раз.

– Ну, смотри. Надумаешь – приходи.

Станный он все-таки. Может боится чего? Или скрывает...

Кречет на прощание махнул соседу рукой, но Урс уже отвернулся, присел перед собакой, стал трепать ее большую лобастую голову, приговаривая что-то негромко.

– Приходи, – еще раз, тихо, по инерции, сказал Кречет, опустил руку и направился к избе Вигора.

Колдун за своим домом не следил. Крыша не течет – и ладно. Стены ветер не пускают – и хорошо. Латать? Красить? Зачем?

Проходя мимо лицевых окон, Кречет стукнул в ставню, обошел дом, поднялся на крыльцо, для порядка еще раз постучался в дверь и вошел.

Окон в сенях не было, и потому там всегда царил полумрак. На веревках вдоль стен висели пучки трав, сухие, чуть подсохшие и еще совсем свежие. Пахло полынной горечью. Засвербило в ноздрях, захотелось чихнуть. Кречет потер кулаком нос, сдерживая рвущийся чих, но все же не удержался и чихнул. И еще раз. И еще. Забористые букеты у колдуна!

Он с трудом нашарил ручку и открыл дверь.

Вигор сидел на кровати и разглядывал свою ладонь. Кречета поразило выражение лица колдуна. Тот смотрел на свою кисть так, словно видел на ее месте – вместо нее – уродливую клешню, или щупальце, или еще что-то более страшное, чуждое...

Кречет кашлянул, чтоб привлечь к себе внимание, и спросил:

– Ты готов?

Вигор вздрогнул, глянул на гостя, быстро спрятал руку за спину.

– Куда? Зачем? А! Ты, Кречет! Конечно! Сейчас.

Он встал, ногой запихнул под кровать валяющееся на полу одеяло.

– Иду, иду. Заснул вот. Сейчас. Погоди.

Вигор выглядел растерянным и, пожалуй, испуганным. «Странно», – подумал Кречет. Он подозрительно принялся и спросил:

– Чем это у тебя пахнет? Паленым, вроде. Печь что-ли топил? Так ведь лето еще.

– Да это так. Случайно, – ответил Вигор, ничего не прояснив и торопливо ушел за перегородку – на кухню. Кречет последовал за ним.

На кухне, как и в сенях, висели вдоль стен душистые веники трав. На грубых полках стояли какие-то странных форм баночки, горшочки, все в пыли, в паутине – видно было, что хозяин давно ими не пользовался. Рядом с посудой непонятного назначения лежали книги. Много книг. Штук пятнадцать или даже еще больше. Толстые, громоздкие, они едва помещались на полке – того и гляди свалятся. За всю свою долгую жизнь Кречет никогда не видел столько книг сразу. Ни у кого. Только здесь у Вигора. И, сколько он помнил, всегда они лежали вот как сейчас – в четыре стопки, а два фолианта уж особо толстых стоят, прислонившись друг к другу домиком. И на всей этой учености лежит толстый, многолетний слой мохнатой книжной пыли.

Вигор оглянулся на Кречета, хотел что-то сказать, но осекся, отвернулся, потянулся рукой к пучку каких-то трав, что висел около серой печи, вздрогнул вдруг всем телом, да так сильно, что металлические кольца в ушах колыхнулись, оттягивая и без того длинные мочки и сделал неуверенное незаконченное движение – резкое, будто хотел спрятать ладонь, чтоб не увидел на ней Кречет чего-то. А чего там можно увидеть? Худые узловатые пальцы. Бледная тонкая кожа в коричневых пигментных пятнах. Ногти желтые, неровные, корявые. Рука старика. У него у самого тоже почти такие.

– Ну, что? Долго тебя еще ждать? – спросил Кречет. – Опаздываем. Дварф наверняка там за обе щеки уплетает...

– Сейчас, – ответил Вигор, содрал дрожащими пальцами траву со стены, оторвал пару сухих листочков, раскатал, размял на ладони, понюхал, лизнул, покачал головой одобрительно, прислушиваясь к своим ощущениям и сунул весь веник в карман своего одеяния. Пожалуй, только одежда и еще постельное белье – единственные относительно чистые вещи в этом доме. Как не ругалась Би, но убираться у себя Вигор не собирался и ей настрого запретил. Только тряпки свои согласился отдавать ей на стирку, да и то не часто.

– Идем, – сказал колдун и прихватил стоявший у стола посох. Они вышли из избы.

Дварфа дома не оказалось.

– Ну, точно! Всегда он первее всех! – с досадой сказал Кречет. – Уже, наверно, чай пьет. Никогда не дождется.

– Ладно тебе, – проскрипел Вигор – и голос-то у него какой-то неуверенный стал. – Не сердись.

– Да я не сержусь, – Кречет выдержал паузу.

Они прошли мимо колодца, по молчаливому согласию минуя избу Би и направляясь к дому Ланса.

– Он ведь как ребенок стал. Какой с него спрос? С топором своим, словно с игрушкой бегают. Все дрова колет. Вот тоже забава! – Кречет покачал головой. Колдун вышагивал молча. – Как ребенок! А сколько ему годов? Сколько? Уж не намного меньше, чем нашему копейщику.

– Да... Но уж лучше как дитя, чем как Ланс.

– Может быть... Может быть... Говорят, гномы долго живут.

– Да какой он гном? Кто их вообще видел, гномов этих?

– Говорят...

Неторопливо разговаривая, они подошли к дому Ланса.

Солнце уже наполовину опустилось в леса на западе. Стало темнеть, но еще отлично виден был заросший бурьяном огород на склоне холма, и стоящая возле реки сгнившая банька с провалившейся крышей, и близкий овраг. Совсем близкий. Слишком.

Не стучась, они вошли в избу. Ланс сидел на деревянном трехногом стуле посреди комнаты и сосредоточенно разглядывал ржавый наконечник своего старого копья, иногда задумчиво пробуя пальцем исцербленное острие.

Они подошли к старику почти в упор, но тот ничего не замечал.

– Пойдем с нами, Ланс! – крикнул Кречет едва ли ему не в ухо.

Копейщик поднял на него спокойные глаза. Долго разглядывал, затем глянул на стоящего чуть подальше колдуна и сказал негромко:

– Чего кричишь? Чего? Не глухой я. Нечего кричать. Раскричался один такой, – он легонько ткнул крикуна древком копья.

– Ладно, ладно, – отступил Кречет, – вставай, Би ждет.

– Да иду я. Что ж вы так долго? Заждался я вас. Проголодался уже.

– Пойдем, пойдем, старый. – Кречет хотел помочь старику подняться, но Ланс сердито отпихнул его и встал сам, опершись на копьё.

Изба Би была совсем рядом.

Хозяйка встретила их у самого порога, едва они шагнули в дверь.

– Что вы в такую доль? Проспали, никак? Солнце уж почти село. Стынет все.

У Би было жарко. Она истопила печь, чтобы приготовить к приходу гостей достойное угощение. На то был повод. Ровно двенадцать лет тому назад к их маленькой деревенской общине присоединился Дварф. Впрочем деды, в том числе и сам Дварф, даже не подозревали об этой годовщине. Только Би каким-то непостижимым образом ухитрялась держать в голове все многочисленные даты. И она хотела сделать сюрприз.

Кречет принялся – пахло вкусно, заводил длинным носом и, опередив на шаг Вигора и ковыляющего Ланса, первым заглянул в комнату.

За столом сидел коротышка Дварф. Он с аппетитом уплетал большой кусок румяной ватрушки. Обвислые щеки его шевелились, морщины на лице двигались, сплетались самым невероятным образом. От усердия и жары тек по его лицу пот. Дварф утирался рукавом и все пожирал свою ватрушку, запивая молоком из большого бокала. А рядом, у стола – ну конечно! – стоял этот нелепый топор. А на столе! Кречет даже причмокнул восхищенно. Чего только там не было! Стояли два огромных блюда с пирогами, ровными горками лежали яблоки и сливы, и плоские колеса ватрушек, и овощи, и прятался среди посуды небольшой горшочек дикого лесного меда – большая редкость, деликатес! А на деревянном подносе возлежала

запеченная метровая щука – та самая, что выловил позавчера Урс и подарил Би. Эх, надо бы оставить ему кусочек! Зря он не пошел! Зря!

– У нас что? Праздник? – спросил Кречет слегка очумело.

– Да, – Би довольно улыбнулась, кивнула и объявила торжественно, громко, чтобы всем было слышно: – Ровно двенадцать лет назад в нашу деревню пришел Дварф.

– Ух ты! – сказал Кречет. – Поздравляю!

– Подумать только, – сказал рассеяно Вигор.

– Что? – переспросил Ланс.

Виновник торжества, не прекращая жевать, обвел всех глазами и улыбнулся, смущенный таким вниманием к своей персоне.

– Давайте, давайте, – рассаживала, торопила гостей Би. – Садитесь. Стынет все.

– Одну минуту! – остановил ее Кречет. Он жестом фокусника вынул из-за спины посудину с вином. – Я как чувствовал!

И колдун тоже выдвинулся вперед, достал из кармана свой засушенный букет:

– Завари вместе с чаем. Вкусно и полезно.

– Вы садитесь, садитесь, – Би приняла подношения, поставила вино на стол – неказистая, конечно, посуда, но главное не форма, главное – содержание, а с травой ушла на кухню, загремела там утварью, и разлился в воздухе тонкий, чуть сладковатый аромат.

– Ну, что ж, – в предвкушении потер руки Кречет, – попробуем праздник на вкус.

Деды расселись по своим местам. Ланс медленно опустился на солидный стул, стоящий на самом дальнем конце стола, в темном углу возле натопленной печки, и уже закрыл глаза, наслаждаясь теплом, почти засыпая. Вигор тоже любил тепло, тепла требовали его больные суставы, и он передвинулся поближе к Лансу, к печи, прислонил посох к стене и сразу взял себе пирог, налил молока. Кречет занял место у окна. Он любил смотреть на открывающийся отсюда вид. На реку. На далекий лес. На облака, каждый раз разные. Сел в пол-оборота – повернувшись к окну, но не обделяя вниманием и стол.

Вернулась из кухни хозяйка, принесла чай.

– Нет, – запротестовал Кречет, не давая ей разлить. – Сперва яблочное. Для лучшего разговора. Ты садись, Би. Отдохни.

Он привстал, собрал у всех кружки, налил в каждую вина до половины, раздал.

– За тебя, Дварф! – и выпил одним махом. Крякнул, скривился.

– Э-э, старый, – осуждающе покачала головой Би. Она пила вино медленно, маленькими глоточками, морщась от легкой кислинки.

Вигор выпил, не почувствовав вкуса. Словно компот выхлебал вино Дварф. Ланс сидел неподвижно в своем углу. Глаза его были закрыты.

– Маловато захватил, – сказал Кречет, разливая остаток. Он посмотрел на дремлющего Ланса, взял его кружку и перелил нетронутое вино к себе. – Двенадцать лет! А я ведь помню, как ты пришел. А ты помнишь, Дварф? – тот отрицательно мотнул головой. – А я помню. Как сейчас помню. Ты подошел ко мне – я во дворе стоял – и спросил... А что ты спросил, Дварф?

– Не знаю.

– Ты что-то спросил тогда. И я ответил. А что я ответил?.. Не помню. Ладно! Не важно... – хоть и не крепким было вино, но Кречет почувствовал легкое опьянение. Стало хорошо, радостно, светло. Жарко стало.

– Ну, разболтался старый! – высказала Би.

– Кто старый? Я старый? Я не старый. Я всех здесь моложе! Мы с тобой, Би, самые молодые. И знаешь, что самое интересное? – он ухмыльнулся и поднял вверх палец, – сколько бы времени не прошло, мы так и будем оставаться самыми молодыми. Вот!

– Вы ешьте, – спохватилась Би. Но ее приглашение было излишним. Вигор не проронивший еще ни слова, что было достаточно странно, уплетал уже второй пирог. Сколько и что

именно съел Дварф, можно было только догадываться – он постоянно что-то жевал, не давая отдыху челюстям. Все-таки, за весь сегодняшний день он ел в первый раз. Отламывал маленькие кусочки от ватрушки Кречет. И только Ланс недвижимой тенью сидел в углу. Би встала, подошла к нему, тронула за плечо:

– Проснись, Ланс, – тряхнула сильнее. – Проснись, поешь! – старик молчал. И все замерли. Замолчал только что неудержимо болтающий Кречет. Перестал двигать щеками и морщинами полугном Дварф. Вигор испуганно глянул на соседа. Неужели? Вот так. Сейчас. Именно сейчас. Это случилось. Произошло. Так просто и незаметно. Обыденно.

Но Ланс открыл глаза и сказал:

– Би... Би! Дай мне чего-нибудь. Я есть хочу.

И сразу все вздохнули облегченно. Забыли. Постарались забыть.

– Бери, бери, – Би подвинула к нему тарелки. – Что тебе? Ты говори, я подам.

– Чего? – не расслышал Ланс.

– Говори, если надо чего, – повысив голос, повторила хозяйка.

Старик закивал головой:

– Да-да, – не похоже было, что он разобрал ее слова.

Ланс привстал, потянулся к дальнему блюду, взял с него пирог, поднес ко рту и, прикрыв глаза, замер, обоняя теплоту выпечки, улыбаясь тихо и беззубо. Все какое-то мгновение смотрели на него, затем Кречет сказал негромко:

– Какой же я старый?

И Би побежала на кухню за чистыми кружками для чая. Пироги стыли.

– А я сегодня с Урсом разговаривал, – произнес Дварф, обращаясь к Кречету. – Он без дров шел.

– Без каких дров? – не понял поначалу Кречет. Утренний разговор у колодца совсем вылетел у него из головы.

– Которые он из леса носит.

– А! – понял Кречет. Ему стало неудобно. – Я пошутил тогда. Не носит он никаких дров. Это я так.

– Да? А зачем тогда он в лес ходит?

– Он там мечом машет.

– Мечом? – недоумевал Дварф. – А зачем?

– Ну... Как бы тебе объяснить... – Кречет задумался. – Вот тебе нравится дрова колоть?

– Да.

– А ему нравится мечом махать.

– Нравится?

– Ну да.

Дварф просиял. Даже морщины чуть разгладились.

– А дрова?

– Да нет никаких дров. Я пошутил. Просто так он ходит.

– Никто не ходит просто так, – неожиданно посерьезнел лицом Дварф. – Просто ты не знаешь.

Вернулась Би с посудой. Стала разливать чай. Кречет смотрел на нее ловкие руки, чуть пухлые и оттого вовсе не старческие.

– Тебе, Дварф, – она подвинула к нему кружку.

– Тебе, Кречет... Бери, Вигор. Смотри, горячо... Лансу передайте... Ланс! Ланс! – старый копейщик поднял на нее выцветшие глаза. – Тебе! Пей!

Последнюю кружку, с отколотым краем, Би оставила себе. Осторожно глотнув обжигающий чай, такой ароматный, вкусный, она сказала:

– Хорошая у тебя трава, колдун.

Вигор вздрогнул. Поднял на нее глаза, хотел уже что-то произнести, излить, но справился с порывом и промолчал. Уставился отрешенным взглядом в столешницу.

Что-то шло не так. Би это чувствовала. Слишком тихо было за столом. Молчал отстраненно колдун. Совсем расклеился в тепле Ланс – снова заклевал носом. Слишком тихо. Почувствовал это и балагур Кречет.

– Что-то ты, Вигор, все молчишь сегодня, – попытался он расшевелить своего обычного собеседника.

– Руки болят, – буркнул колдун.

– У тебя ж одна рука.

– Одна... А болят обе... – и снова замолчал.

– Как же так? – заинтересовался Дварф. – Руки нет, а она болит?

Вигор не ответил. Зато заговорил Кречет:

– Бывает. Я так думаю: вот оторви ящерице хвост – у нее через некоторое время новый вырастет. Тело помнит. И у людей также. Только мы выращивать заново не умеем.

– Глупость это, – сказала Би. – Сравнил тоже человека и ящерицу. Вон, если червяка пополам разрезать, то два червяка получится. Живых. Так что, по-твоему: у каждого будет болеть несуществующая часть?

– А может и будет... Кстати про ящериц. Вспомнил одну историю. С Вульфом мы тогда ходили...

– Опять ты за свое! – махнула на него Би, но перебивать не стала, наоборот, отставила полупустую кружку, приготовилась слушать. Заерзал на стуле Дварф, заинтересовался. Поднял голову Вигор. И даже Ланс, не то случайно, не то услышал все-таки что-то, открыл глаза.

Все истории Кречета начинались одинаково. Всегда он рассказывал про своего напарника Вульфа.

Давно, когда руки его еще могли крепко держать оружие, и плечи не чувствовали тяжести кольчуги, ходил Кречет по миру, искал работу для себя и для своих парных мечей. В отличие от Ланса, он никогда не нанимался в армию. Больше всего Кречет ценил свободу. И был у него напарник Вульф. Впрочем, был ли? Старики были уверены, что никакого Вульфа никогда не существовало, а бесконечные истории Кречета – либо выдумка от начала до конца, либо произошли когда-то с ним самими, но никак не с мифическим Вульфом. И только простодушный Дварф принимал все за чистую монету.

– Так вот, – рассказывал Кречет, сдерживая рвущуюся улыбку, – забрели мы с ним в одно богом забытое место. Стояла там в лесу деревня. И повадился к ним дракон. Скотину жрет, дома рушит, посева вытаптывает, людей пугает. В общем, обещали они нам заплатить, если мы того дракона прогоним или уьем. Пошли. Пришли к горам. Нашли драконью пещеру. Такая дыра! А вонища! Грязь кругом! Глаза слезятся, дыхание спирает – внутрь не войдешь, задохнешься. И начал тогда Вульф орать во всю глотку. «Выходи, кретин безмозглый! – кричит в пещеру. – Выползай на честный бой, змей смердящий! Ящерица вонючая!». Долго кричал. Голос сорвал. Бесполезно. Тишина. Только эхо оттуда, из пещеры этой. Плюнули – черт с ними, с деньгами! – и ушли. Он-то вперед ушел, а я немного подзадержался – там, чуть в стороне, малина уж больно вкусная росла. И когда вслед за ним пошел, догонять, тут голос густой, будто бы отовсюду, словно эхо, и говорит что-то. Ну вы знаете, как эти драконы говорят – шипение да гудение одно, не язык, а форменное издевательство. Но фразу, что этот голос сказал, я тогда запомнил. Врезалась она мне в память почему-то. И в деревне жил у них старик один, что понимал по-драконьи. Он мне и перевел... И знаете, что это была за фраза?... – Кречет замолчал и обвел всех лукавыми глазами.

– Что? – не выдержал Дварф.

– «Ну – кретин безмозглый. Ну – змей смердящий... А в задницу-то чего кричать?!», – закончил Кречет и захохотал. Махнув рукой на него, рассмеялась Би. Глядя на них, широко

улыбнулся Дварф. Вигор скривил рот через силу и снова уставился в столешницу думать свою думу.

– Или вот еще... – Кречет сел на своего любимого конька. Не давая слушателям роздыху, он рассказал соленую историю про женщину-оборотня и трех ее любовников, среди которых затесался, конечно же, и Вульф.

– Ну тебя! – Би покраснела, рассмеялась немного смущенно. Зато Дварф разошелся вовсю. Он хохотал, хлопал себя по колену, мотал головой, утирал слезинки. Сдержано улыбался Ланс, глядя на друзей. Он не расслышал, над чем они смеются, но их веселье было так заразительно. И взбодрившийся старик потянулся за новым пирогом.

Внезапно поднялся из-за стола Вигор. Встал резко, вцепившись единственной рукой в посох.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он, и все замолчали. Только Дварф еще хихикал, мотая непропорционально большой кудлатой головой. – Плохо себя чувствую сегодня.

– Я провожу, – поднялась и Би.

– Нет, – колдун остановил ее твердым взглядом. – Я сам дойду... Все было хорошо. Спасибо, Би. – Тяжело опираясь на посох, сутулясь больше чем обычно, Вигор ушел, хлопнув дверью.

Кречет выглянул в окно.

На улице было уже темно. Солнце село, и только розовеющий закат еще чуть высвечивал мир, сдерживал ночь, не давал проявиться на небе звездам.

Кречет видел, как Вигор подошел к колодцу, постоял немного, повиснув на посохе и затем медленно ушел к себе в избу.

– Станный он сегодня, – сказал Кречет.

Би сходила на кухню и принесла лампу. Маленький огонек кргом осветил стол, еще больше сгустив тени в углах комнаты. Тихо потрескивал жиром фитиль. Стало уютно. Не хотелось больше громко разговаривать, смеяться. Хотелось только сидеть вот так вот у язычка пламени и неторопливо беседовать, а больше молчать, слушая других.

– Станный... – согласилась Би. – И не только сегодня... Что мы про него знаем?

– А кто он? – спросил Дварф.

– Он? – Кречет пожал плечами. – Он не здешний, как и ты. Пришел... Когда он пришел, Би?

– За пять лет до тебя, Дварф.

– За пять лет до тебя он пришел. Зимой, вроде...

– Да, зимой.

– И тогда он был такой же, как и сейчас. Однорукий, эти странные кольца в ушах, в мешке еще у него книги были... Он и не постарел с тех пор... Мы тогда его колдуном прозвали. А кто он на самом деле? Кто же знает?

– Колдун он. Как есть колдун, – без тени сомнения заявила Би. – Сегодня у меня молоко скисло. Я корову доила. Он минуту постоял возле меня, ушел, а молоко в ведре уже свернулось... Колдун!.. И посох этот его.

– А что посох? Палка. Обычная жердь...

Они помолчали. В темном углу у печи посапывал Ланс. Старик все-таки уснул.

– Он словно скрывался от кого-то... – продолжал вспоминать Кречет. – Спросил у нас, можно ли в какой-нибудь пустующий дом заселиться, мы разрешили, и он на краю деревни выбрал самую старую избу, сейчас ее уже и нет, лес сейчас там, и целую неделю провел, носа не показывая. И чего только он ел?

– Колдун...

– А потом освоился. Неплохой человек оказался, хоть и со странностями своими. Траву все собирает, сушит. Книги эти. Никогда столько книг не видел!.. Через месяц перебрался к

нам на пригорок. И соседи рядом, и колодец под боком. Так теперь и живем. Мы в его прошлое не лезем. Что захочет – сам расскажет. Может, человек решил здесь спокойно жизнь дожить?

Они помолчали, слушая негромкое сонное бормотание Ланса, треск лампы. На чердаке застрекотал сверчок, но почти сразу смолк, будто сам испугался своего громкого голоса.

– А я в чьем доме живу? – спросил Дварф.

Кречет вздохнул. Сказал:

– Были в нашей деревне два брата. Два Стрижа. Оба черные, маленькие, руки длинные. Шустрые. Старший Стриж и младший Стриж. Вот они там и жили.

– А где они сейчас?

– Убили их. Ушли они из деревни жизнь посмотреть. И не вернулись.

– Откуда ты знаешь?

– Что знаю?

– Что они не вернулись.

– Говорю же – убили их. Ровно через два месяца, как ушли они из своего дома. В Городе наткнулись на банду. Обоих зарезали... Не умели наши Стрижи отступать. Говорят, если бы захотели они, то могли бы живыми уйти. А они стали правду искать... Драться стали... Двое против пятнадцати...

– А что, и никто не помог?

Кречет помрачнел.

– Я там был. Случайно рядом оказался. Своими глазами все видел... Но я опоздал. Младший был уже мертв. А старший кровью истекал, хотя свой нож из рук не выпускал. Шесть разбойников лежали у его ног. И еще двое раненых пытались отползти... Ночью это было. Народ в Городе такой – чуть шум ночью, они только крепче засовы закрывают. Хоть кричи, хоть в двери бейся – никто не выйдет, никто не поможет. Это не как у нас здесь, где каждый за соседа держится. Там каждый сам за себя. Дома каменные, и сердца каменные...

Кречет замолчал, отвернувшись и пустым взглядом уставившись во мрак за окном. Что он там видел? Би сидела тихо, пригорюнилась Би. Жалко ей было Стрижей. Помнила она их пацанятами. И отца их помнила, и мать. И деда. Пережила Би всех Стрижей, и молодых, и старых.

– А ты? – спросил Дварф, сжимая кулаки и сурово морщина лоб.

– Я?.. – переспросил Кречет. – А что я?... Убил я всех. Я ведь без мечей тогда не ходил. И сила у меня была... Убил я бандюг, немного их оставалось. Но что толку... Поздно... Младший уже мертв был, а старший у меня на руках дух испустил. Крови много потерял... Что я мог поделаться?.. Ушли они жизнь поглядеть... Два месяца глядели... Поглядели и не вернулись...

– А может и вернулись, – негромко сказал Дварф. – И мертвые могут воротиться, если живыми не успели. Я знаю.

Кречет даже вздрогнул.

– Что ты знаешь?

– Живет у меня кто-то. Ночами ходит невидимый. Полном скрипит. Посудой гремит. Ставнями хлопает. Теперь я знаю кто это.

Кречет поежился, отвернулся от пугающе темного окна. Подвинулась поближе к огню лампы Би.

– Чудится это тебе, – неуверенно предположил Кречет.

Дварф только улыбнулся:

– Это Стрижи ходят. Духи. Это их дом, но они на меня не в обиде. Я с ними и говорю иногда, только вот имен их не знал. И кто они такие. А теперь знаю.

– Не могут мертвые возвращаться, – сказала Би негромко, нерешительно, словно упрямая, будто убеждая себя.

– Не может парное молоко за минуту скиснуть, – ответил ей Дварф.

Замолчали все. Жутко. А еще по домам идти надо. Каждому в одиночество. В ночь. Один Дварф ничего не боится. Живых страшиться надо – не мертвых.

– А Вигор сегодня странный, – тихо сказал Кречет. Почти прошептал. И тотчас, заставив всех вздрогнуть, донесся из темного угла хриплый голос, неожиданно громкий, вещающий:

– Возвращается он! – это проснулся, зашевелился Ланс, про которого и забыли все давно. Вот напугал, старый черт! Бормочет невесть что спросонья!

– Тьфу, – сплюнул Кречет, сердясь на свой страх. – Вставай, старый! Домой пора.

– Поесть чего дайте.

– Бери с собой и идем. Вон еще пять пирогов остались и шуки кусок. А чай остыл давно.

Зашевелились старики. Сразу веселей стало. Украдкой ущипнул Кречет Би за пышный бок. Та звонко приголубила его тяжелой ладонью по костлявому плечу. Дварф загремел посудой, принялся помогать хозяйке убирать со стола. Зашамкал беззубо Ланс, жуя голыми деснами холодный пирог.

– Посидим еще чуть, я сейчас чаю согрею, – предложила Би.

– Ну, давай, – легко согласился Кречет. Не охота в пустой темный дом идти. И спать пока не хочется.

Би ушла на кухню.

Ланс дожевал пирог, стряхнул с себя крошки, обвел темную комнату тусклыми старческими глазами и сказал негромко, выставив в потолок указательный палец:

– Он возвращается... – и потянулся за куском ватрушки.

Никто не обратил на него внимания.

Вигору не спалось.

Он ворочался под одеялом, перекидывал по-всякому подушку – никак не удобно.

Лезли в голову всякие мысли.

Что же это было?

Сон?

А дымящееся одеяло? А рука?

Ящерица без хвоста. Разрубленный надвое червяк.

Не надо было ему сегодня идти к Би. Этими разговорами они только разбередили душу...

Для волшбы необходимо две руки. Это знает любой начинающий маг. Две руки. Две. Иначе никак. Одна принимает энергию, другая отдает. Одна накапливает, другая поддерживает. Только две руки могут замкнуть контур. Только две руки создают фигуры Силы.

А левой руки нет...

Червяк...

Тело помнит.

Хотя она болит, чешется, зудит. Сводит иной раз с ума.

Тело помнит свою часть. Свою бывшую, давно сгнившую плоть.

Плоть.

Но плоть ли замыкает контур? Ведь не через мясо идет энергия, не через кости...

Энергия проходит по каналам.

По рукам... По двум рукам...

Мысли теснились в голове, ворочались, метались, толкались. Беспокоили...

Вигор поднялся на локте и на минуту замер, таращась в темноту. Затем он спустил ноги на холодный пол и сел на кровати, завернувшись в одеяло, словно в тогу. Проснулись привычные буравчики. В обеих руках.

Он поднял к лицу правую ладонь.

Единственную.

С улицы неярко подсвечивала луна, и он видел, хоть и с трудом, свои худые пальцы, пергамент кожи на ладонях, неровные ногти, набухшие сосуды. Он видел старость.

Вигор пошевелил пальцами, пристально вглядываясь в их движение. Он перебирал ими воздух, сгибал и разгибал, пробовал каждый сустав, пытался прочувствовать каждую мышцу, каждое сухожилие. Он долго сидел так, двигая пальцами. Луна встала напротив его избы, заглянула в окно, сотворив тень на противоположной стене – жуткий призрак с колыхающимися пальцами-щупальцами.

Поздняя ночь. Полнолуние. Лучшее время для волшбы.

Вигор закрыл глаза и представил свою руку. Левую руку. Отсутствующую. Он представил ее во всех подробностях, скопировал с правой, лишь зеркально перевернув. Предплечье. Кисть. Пальцы. Фаланги. Пластинки ногтей. Он словно лепил свою руку. Кости, сухожилия, мышцы. Нервы и кровеносные сосуды. Кожа.

Вот она.

Вигор осторожно шевельнул воображаемыми пальцами. И рука отозвалась болью.

Простейшая фигура. Только попробовать...

Ящерица без хвоста...

Разрубленный червяк...

Но тело помнит...

И он сам тоже помнит...

Простейшая фигура Силы. Указательный палец вверх, средний и безымянный прижать к центру ладони. Плотно прижать! И держать так! Мизинец и большой свести в кольцо. Чувствуя каждую мышцу. Придумывая ощущение, осязая несуществующее...

Теперь правая рука. Это легче, потому что она на месте. Потому что она живая. Главное теперь – удержать в голове положение воображаемых пальцев.

Бесполезно.

Нет того чувства. Нет потока энергии. Нет Силы. Ничего нет.

Пусто.

Вигор открыл глаза.

Но, что это?! Показалось?!

Нет!

Может быть днем он и не заметил бы, но сейчас, ночью, в темноте...

Вигор не мог поверить. Он смотрел на свою руку и чувствовал подступающее безумие. Ему было страшно, и в тоже время хотелось плакать, кричать, смеяться. Все сразу, одновременно...

Он не мог поверить своим глазам.

Его рука слабо светилась. Совсем слабо. Чуть заметно. Правая рука. Живая рука.

А на месте отсутствующей левой мягко сиял тусклый ореол. Словно кокон, сплетенный из лунного света. Он видел свою воображаемую руку! И предплечье, и кисть, и пальцы! Он видел фигуру Силы! Призрачный протез, сделанный из сияния.

Несколько секунд Вигор смотрел на это чудо, а потом свечение стало меркнуть, истаявать. Диск луны миновал окно, и мрак в комнате сгустился.

Что же делать?

Права Би! Права! Колдун! Колдун!

Забыть? Плюнуть и жить как раньше? Тихо, спокойно.

Доживать...

Или...

Что делать?..

Вигор повалился на кровать.

Всю ночь он ворочался и не мог заснуть.

Только под утро усталость наконец взяла свое. Но сны его были беспокойными и не давали отдыха.

«Что же теперь делать?» – даже во сне мучил Вигора этот вопрос.

4

Урс проснулся рано. Еще было серо.

Он поворочался немного и снова заснул, задремал некрепко – прислушиваясь сквозь полусон, ожидая, когда закричит петух у Би во дворе...

И все-таки проспал.

Когда он во второй раз открыл глаза, было уже светло. Летнее солнце уже поднялось из-за горизонта и стояло довольно высоко. Вовсю драл глотку петух, приветствуя наступившее утро.

Не теряя времени, Урс выскользнул из-под одеяла. В комнате было прохладно, освежающе. Он махнул руками, присел несколько раз, разогреваясь, разгоняя кровь, натянул штаны и выбежал на улицу.

Из-под крыльца выскочил Берт, замахал хвостом, запрыгал вокруг, высунув язык, дыша восхищенно. Урс потрепал его по голове, схватил за длинное ухо, подергал ласково, несильно. Пес, играя, осторожно прикусил хозяину руку, заворчал, преданно заглядывая в глаза.

Туман уже сошел, осел искрящейся росой на траве. Было тихо, покойно, даже петух замолчал. Ни ветерка, ни единого движения. Только река несла свои воды под холмом, но и она текла медленно, неторопливо, отсюда и вовсе незаметно. Небо сияло пронзительной синевой – ни облачка.

Урс босиком обежал вокруг дома, глянул на свой огород, полюбовался ровными грядками, зеленым – будущим урожаем. Нагнулся, захватил широкой ладонью капли росы, стал растираться, поеживаясь и вздрагивая, негромко покряхтывая. Хорошо!

Повалил подбежавшего пса в мокрую траву, стал с ним в шутку бороться.

Солнце поднималось все выше, все сильнее пригревало, сушило росу.

А соседи еще спят. Видно засиделись вчера, заболтались. Выйдут сегодня к обеду. Только Би, должно быть, тоже скоро встанет – ей надо корову подоить, кур выпустить. Хозяйство спать не даст.

Урс забежал в дом, надел легкие кожаные чулки-сапожки, зашнуровал плотно. Опоясался широким ремнем. Со специальной подставки взял свой тяжелый двуручный меч в ножнах, выдвинул блестящее лезвие наполовину, осмотрел внимательно – нет ли ржавчины, выщербины какой, не затупилось ли где? Задвинул отточенную сталь в ножны, нацепил на пояс. Выбежал во двор.

Проспал сегодня. Теперь все бегом. В наказание. Чтобы больше неповадно было. Без поблажек. Без компромиссов.

Пес уже ждал.

– Бегом, Берт! – приказал Урс, и пес рванулся изо всех сил – он отлично знал, куда надо бежать. Его хозяин устремился вслед, придерживая левой рукой тяжелые ножны.

По узкой дорожке они пробежали через огород, распахнули незапертую калитку и понеслись вниз по склону холма. Пес мчался впереди, Урс пытался его нагнать.

Откос закончился, плавно перешел в ровное, непаханое уже несколько десятков лет поле. Здесь надо было бежать осторожно, глядя на землю – попадет нога в кротовину, запнется ли за вывороченный наполовину камень – потом месяц в кровати проваляешься.

Урс сбавил ход. Он уже запыхался. А ведь раньше сбегал с этого пригорка и снова легко вверх – ни одышки, ни усталости, ни дрожи в ногах. А теперь?.. Значит надо увеличить нагрузку. Больше тренироваться. Без единой поблажки!

Берт оглянулся на отставшего хозяина и запетлял по заросшему невысокой травой полю. Стал разрывать мышинные норы и кротовины. Засунув нос в подземные ходы, внюхивался, чихал забавно, крутился на месте, словно пытался таким образом вернуться, протиснуться в маленькую норку. Загребал мощными лапами почву, отбрасывал назад. Так и не добравшись

до крошечных комочков жизни, затаившихся под землей, неся догонять убежавшего вперед хозяина. Торопливо задирает лапу у кустиков можжевельника.

Вот и лес.

Здесь, на опушке – светлый, чистый. В основном белоствольные березы и молодые осинки, трепещущие листьями даже в безветрие. А дальше – все больше бурелома. Мшистые ельники. Стволы, опутанные хмелем. Лесная крапива в два человеческих роста. Плеши болот. Непроходимая чащоба.

Дикие места. Нехоженные.

Урс, не сбавляя хода, пригнулся и нырнул в кусты орешника, раздвинув руками гибкие ветви. Еще пять минут он бежал по лесу, подныривая под нависающие сучья, перепрыгивая поваленные стволы, огибая стоящие на пути деревья, и оказался на поляне. На своей собственной поляне.

Он не остановился сразу. Стал тихонько сбавлять ход, бегая по кругу. Перешел на шаг, замахаив руками. Восстановив дыхание, полной грудью вдохнул свежий лесной воздух.

Берт тем временем уже обошел все знакомые деревья, обновив обычные собачьи метки.

Поляну эту Урс искал долго. Выбирал. Раньше он тренировался возле самой деревни, там где лес уже поглотил старые огороды. Затем было местечко чуть подальше, возле ручья, но и там ему не понравилось – тесновато было. И только потом нашел он эту лесную полянку. Наткнулся на нее совершенно случайно, лет шесть назад, осенью, собирая грибы.

За прошедшие годы он расчистил ее, расширил, разровнял почву, вырубил кустарник, оборудовал простейшие тренажеры и снаряды. Теперь он считал это место своей законной собственностью. Впрочем, никто и не претендовал.

Урс снял пояс вместе с ножнами, повесил на ближайший сук.

Сперва разминка.

Надо проработать каждый сустав, растянуть каждую мышцу, каждое сухожилие. И позвоночник! Человек живет столько, сколько живет его позвоночник.

Похрустывая сочленениями, Урс наклонялся, скручивался корпусом, качался из стороны в сторону, вращал руками, головой... Его прошибла легкая испарина. Это хорошо! Значит нагрузка верная, все в норме.

После разминки – силовая тренировка.

Давным-давно притащил сюда Урс два плоских камня, отшлифованных рекой. И еще лежало рядом с ними тяжелое березовое бревно. Примитивные отягощения – но ему лучше и не надо.

Солнце поднялось высоко, стало припекать. Высохла трава, обсохли листья, и сразу налетели откуда-то мухи, слепни да мошки.

Би в деревне уже, должно быть, встала. Может и Кречет поднялся. Дварф, по-видимому, ходит от дома к дому со своим топором. А Ланс спит. Совсем расклеился старый копейщик. И Вигор, наверное, еще не проснулся. Он любит понежиться в постели... Соседи. Друзья. Старики...

Урс отбросил в сторону камни, откатил бревно. Теперь самое главное, основное – упражнения с мечом.

Сколько же лет прошло с тех пор, когда он несмышленым мальчонкой ушел в город учиться? Пятьдесят? Шестидесят?... Много. Уже никого из его учителей не осталось в живых. Убит мастер Чу-ти. Погиб в бою храбрый Лотс. Умер своей смертью великий Рухат. Тот самый, что подарил ему этот меч. Меч воина, а не ученика. Старость убила его, непобедимого Рухата, уникального мастера, человека, у которого за всю жизнь и было только пять учеников. Пять героев-одиночек. И где же они сейчас? Тоже убиты, погибли, умерли. Ушли вслед за мастером. Лишь Урс, самый последний из учеников, преемник Рухата, еще жив, еще борется, помнит

наставления учителя, его уроки, хоть и ушел из большого мира, хоть и уединился, сбежал. Не выдержал гонки с молодостью, испугался...

Яростно размахивал мечом Урс. Пот струился по его лицу. Склеил седые брови, разъедал глаза. Длинные волосы разметались в воздухе – бешеное непрерывное движение не давало им опуститься на плечи. С басовитым гулом рассекало воздух блестящее лезвие. Ноги утаптывали землю, врывались в нее мысками.

Нет! Он еще не стар! Есть еще сила! Есть умение! И ловкость! И по-прежнему безукоризненна его техника. Отточена, отшлифована до блеска, словно стальное лезвие меча.

Но человек сделан не из стали.

Да и сталь съедается ржавчиной.

Меч ржавеет, если не доставать его из ножен. Если оставить металл гнить. Если не трогать, не давать работать. Хотя бы вот так – резать только воздух, рассекал тонкую лозу, рубить в мягкое дерево. Иллюзия битвы. Бескровный бой. Схватка без противника. С самим собой.

Со старостью...

Ладони вспотели. Кожаная обмотка рукояти сделалась скользкой, руки ослабли, ноги стали заплетаться. Сердце колотилось, стучало изнутри в грудную клетку. Хотело разорваться.

Урс остановился.

Закружилась голова.

Он постоял, подождал, пока не отступит тошнота, пока лес не прекратит свое вращение.

Пора возвращаться. Надо завтракать. Хорошая еда – это тоже оружие его борьбы с собой. Но сначала необходимо восстановить дыхание. Расслабиться. Очистить сознание. Вобрать в себя мир, вселенную. «Только познавший мир, познает противника, – так говорил мастер Рухат. – Только познавший противника защитит себя».

Познает ли он своего врага?

Урс воткнул в землю меч и опустил на колени перед крестом его рукояти.

Он прикрыл глаза и стал дышать. Глубоко. Опуская диафрагму. Вбирая воздух животом. Очищая свой мозг от ненужных мыслей. От всех мыслей. От образов. От всего. Только абсолютное восприятие. Не нуждающееся в глазах. Не требующее ушей. Существующее отдельно и входящее во все. Абсолютное знание, приходящее без размышлений. Путь, по которому не идут, но которому следуют. Цель. К которой можно дойти, следуя пути. Единственному. Из трех. Путь Мага. Путь Воина. Путь Бога.

И вдруг Урс почувствовал это.

Тело его потеряло вес. Оно будто плыло по воздуху. Лежало на облаке. И он превратился в свет. Он был вне своего тела. Но продолжал ощущать его, как нечто чужеродное и, вместе с тем, родное, необходимое.

Его глаза были закрыты, он знал это, но он видел. Видел все отчетливо, очень ярко, не так как обычно, как-то иначе, по другому, немного странно, непривычно. Видел все вокруг себя. Все сразу, одновременно. И тело свое видел, сидящее перед мечом.

Урс восхитился новому ощущению.

Никогда он не испытывал ничего подобного. Учителя говорили про абсолютное видение, но он не воспринимал этих разговоров всерьез. Дыхательные упражнения были для него лишь одним из методов тренировки. Медитация – только отдых. Приятный, привычный и с годами необходимый. Отдых, не более.

И вдруг! Сегодня!

Однажды Рухат вел учебный бой с завязанными глазами. Тогда Урс посчитал, что все дело в тонком слухе мастера. Но теперь он знал, как учитель проделывал этот трюк. Теперь он и сам мог бы управлять своим телом, глядя на себя со стороны. Но он не решался. Только наслаждался новыми ощущениями.

Рухат был великий мастер! А теперь и он, Урс, через столько лет, получил еще одну частичку знаний учителя.

Внезапно что-то вдвинулось в поле его зрения. Нечто острое, темное, опасное заслонило собой полмира. Вытеснило мысли. Отбросило назад, в тело. Урс лишь успел увидеть свирепую мохнатую морду, клыкастое рыло, маленькие глазки, горящие злобой.

Он вскочил на ноги, ничего не понимая, схватился за меч, дернул его из земли, встал в стойку.

«Где Берт?» – первая мысль.

И в ответ рычание.

Он повернулся на звук, еще не привыкнув к тому, что надо двигать головой, обращать глаза, фокусировать взгляд.

Ощетинившийся пес скалился на что-то. Шерсть на загривке вздыбилась. Кожа на морде собралась в толстые складки, напоминая морщины на лбу Дварфа. Обнажились желтые клыки.

Урс повернулся в сторону, куда ощерился пес. Как медленно!

Из густых кустов шиповника выдвинулась наполовину темная туша. Горб, покрытый щетиной, клиновидное рыло, короткие ноги. Маленькие тупые глазки, заплывшие жиром. Кабан-секач. Вепрь.

Берт рванулся к дикому зверю.

– Назад! – крикнул Урс, и пес остановился послушно, вопросительно оглянулся на хозяина. Но поздно. Кабан, услышав крик, разглядев своими близорукими глазками человека и собаку, хрюкнул, взвизгнул, метнулся вперед. Тяжелая горбатая туша на кривых ножках, острые клыки опасно загнуты вверх.

Урс бросился на вырубку псу. И кабан, словно почувствовал его порыв, сменил направление, развернулся мгновенно и понесся к человеку. Урс выставил меч.

Вепрь летел на него. Глазки налиты злобой. Щетина топорщится.

И Урс, уже готовый к тому, чтоб шагнуть навстречу зверю, и вонзить под лопатку лезвие, напоить его кровью, вдруг увидел себя со стороны.

И увидел все вокруг.

Снова это чувство.

Теперь уже привычное.

И он вдруг понял. Как он смог это понять? Он узнал каким-то образом, что вот сейчас кабан чуть отвернет в сторону, и лезвие меча едва заденет его горб, оцарапает неглубоко кожу, и вепрь мотнет головой, пропахав Урсу бедро, собьет с ног, развернется и вспорет живот, топча вывалившиеся внутренности своими острыми копытцами...

Урс увидел это. Предугадал. И отступил чуть. Подобрал отставленную для большей устойчивости ногу, поправил меч.

Кабан повернулся самую малость, взвизгнул, мотнул рылом, вспорол воздух клыками, но бедра Урса там уже не было – промахнулся зверь! И время остановилось в это мгновение. Урс отчетливо увидел огненный ком в теле вепря – его сердце. Во всех подробностях разглядел точку, куда надо ударить, чтобы лезвие, не встретив никакого сопротивления, пронзило алый ком сердечных мускулов. И ткнул туда мечом. Медленно. Неторопливо. Точно. Подстраиваясь под остановившееся время.

Кабан завизжал.

И тотчас пропало чувство растянувшегося мгновения.

Пропала ясность восприятия.

Меч рванулся в сторону, едва не выскользнув из рук.

И убитый зверь боком повалился на траву. Брызнула кровь. Кабан еще дернул пару раз ногами, мотнул головой, пропахивая борозды в земле, но это была агония. Подскочил к туше

Берт, вцепился зубами в жирную шею, затряс головой, заскреб ногами, раздирая плоть, добираясь до жизненно важных артерий.

Но вепрь был уже мертв.

Урс опустился на траву рядом с поверженным диким зверем, ткнул кулаком его мягкий – теперь мягкий – еще теплый щетинистый бок, сорвал пучок травы и хотел вытереть обогрившееся лезвие. Но что-то его остановило.

Меч тоже знает голод.

И Урс поднял меч острием к небу, к солнцу и долго смотрел, как тягучей алой струйкой бежит по узорчатой стали тонкий ручеек крови.

Вигор распахнул глаза.

Толчок неведомой Силы пробудил его, едва не сбросив с кровати.

Сон?

Нет.

Светило солнце, но мир, что стоял перед глазами колдуна, был черен.

Он уловил далекий всплеск энергии.

Урс?

Это не энергия мага.

Это Сила воина.

Урс.

Дварф смотрел, как Би доит корову.

Сегодня он встал рано.

Впрочем, в последнее время он постоянно стал рано подниматься. Его будило какое-то сосущее неясное чувство. Тормошило, не давало спать. словно звало сделать что-то, заставляло что-то срочно предпринять. Только что именно?.. И Дварф вылезал из-под одеяла и шел к соседям, прислушиваясь к своим туманным ощущениям, пытаясь понять, что же надо сделать? Что же еще он должен совершить? Может совершить...

Би нежно оглаживала коровьи соски. Тонкими струйками брызгало молоко. Звенело о ведро. Дварф, наклонив голову, слушал сочные звуки. И что-то знакомое слышалось ему. Смутное. Забытое. Стук молотов. Отзвуки наковален. Жаркое пламя. Раскаленный металл. Странные, ничего не говорящие образы...

Во дворе вдруг потемнело. Чья-то широкая тень закрыла проем ворот. Дварф обернулся. Повернулась лицом к воротам и Би.

– Урс? Что случилось?

Широкоплечая фигура с веером распущенных по плечам длинных седых волос сжимала в руке меч. Клинок был в крови.

– Дварф, – устало произнес Урс, – собери всех. Ланса только не трогай.

– Да что случилось!? – Би настороженно косилась на лезвие в бурых подтеках.

– Мясо. Много мяса... – Урс перевел дыхание. – Я только что убил кабана. Надо принести его из леса.

– Мясо, – повторил Дварф и улыбнулся. – Сейчас, Урс. Сейчас я всех позову. – Бросив топор, он убежал по направлению к дому Кречета.

Би подошла к Урсу, тронула его за руку:

– Ты не ранен?

– Нет. Все в порядке.

На двор зашел Берт. Глянул вопросительно на женщину, вильнул хвостом. Би присела на корточки, погладила пса.

– Как же вы это?

– Так получилось.

– Зря ты в лес один ходишь. Места наши дикие, сам знаешь. Случится чего...

– Я не один, – сказал Урс. – Берт всегда со мной.

– Да уж... Берт...

Они помолчали, глядя на собаку. Пес довольно помахивал хвостом.

– И все-таки тебе надо быть более осторожным.

– Я осторожен.

– Ты уже давно не мальчик.

Урс вскинул голову, словно его ударили, раздул ноздри.

– Да. Ты права. Я не мальчик.

К ним бежал Дварф, торопился Кречет. От своего дома шел, опираясь на посох, Вигор.

– Какой кабан? Что произошло? Где? – произнес скороговоркой Кречет.

– Я убил кабана. В лесу. Надо его принести. Не оставлять же хорошее мясо червям и падалыщикам.

– Мясо... Мясо! – расплылся в улыбке Кречет. – Это же здорово! Мясо!

Приковылял Вигор, пытливо заглянул в лицо Урсу, пристально посмотрел в глаза:

– Как ты себя чувствуешь? – спросил.

– Все в порядке. Он промахнулся. Я попал.

– Я не про то... – замотал головой колдун, но осекся, замолчал, во все глаза разглядывая Урса. – Значит все в порядке? Все хорошо?

– Отлично! – ответил за Урса Кречет. – Сегодня мы будем есть настоящее мясо! Жареное! С кровью!

С отточенного острия меча упала на земляной пол тяжелая бурая капля.

Все смотрели, как она впитывается в землю.

Весь день Би возилась с мясом, говорила дедам, что надо сделать, командовала.

Кречет выпотрошил кабана, умело опалил щетину пучком соломы, выскреб жженую кожу большим кухонным ножом, смыл копоть теплой водой. Дварф выправил свой топор, отточил лезвие и точными ударами, словно заправский мясник, разделал тушу. Вигор принес какие-то травы, чтобы солонина лежала дольше, чтоб не потеряла свой вкус, аромат. Урс снова ушел в лес, пообещав доставить сухое ольховое бревно – давно уже присмотрел, да только раньше коптить было нечего. И действительно, принес на плече толстый ствол, шершавый, чуть розоватый на срубе.

А потом за дело взялась Би.

Срезав с кабана сало, она нашинговала его чесноком, уложила длинные белые бруски в соленый раствор, присыпала душистыми травами. Лучшее мясо отложила на вечер – пожарить, полакомиться. Ребра отдала Урсу – у того во дворе стояла коптильня, старая, но еще вполне справная. Срезанные ломти мяса уложила слоями в бочонок под гнет, пересыпав солью, добавив траву Вигора.

Вскоре поплыл над домами горьковатый дымок. Это Урс сделал первую закладку в коптильню.

Справный кабан!

Быстро и незаметно прошел в заботах день.

А вечером деда собрались у Би.

Даже Урс пришел. Вытащил его все-таки Кречет, едва ли не силой заставил прийти.

И говорили за столом только о мясе, о кабанах, об охоте и кулинарии.

Наслаждались жареным мясом, смаковали душистые копченые косточки, потягивали прозрачный наваристый бульон.

Расшевелился суровый Урс. Болтали непринужденно Кречет и Вигор. Сбивчиво что-то толковывал Би Дварф, размахивая руками перед ее улыбающимся лицом.

Было весело и шумно.

Только молча дремал в теплом углу насытившийся Ланс. Иногда, пробуждаясь, он вздрагивал, поднимал голову и обводил задумчивым взглядом развеселившихся стариков. Он вдыхал воздух и чувствовал волнующий запах. Благоухание мяса. Аромат крови.

5

Заканчивалось лето.

Дни стали короче. По утрам стелился над рекой густой холодный туман, серой мокрой пеленой скрывал берега. Обленившееся солнце не торопилось показываться из-за горизонта. Прореживалась ветром листва на деревьях. Птицы собирались в стаи, шумно ругались о чем-то, галдели, затем, договорившись, взлетали дружно и закладывали долгие виражи над деревней, над лесом, над рекой. Парили в воздухе тонкие серебристые паутинки, похожие на оторвавшиеся седые лучики стареющего солнца.

Пользуясь последними ясными деньками, старики готовились к зиме.

Надо было собрать урожай: выкопать картошку, срубить плотные кочаны капусты, вытаскать лук, чеснок, повыдергать морковь и свеклу. Все это надлежало перебрать, подсушить, уложить в погреба на хранение. А кто-то еще не успел заготовить достаточно дров и теперь спешно наверстывал упущенное. Кому-то надо было утеплить избу. Да мало ли что еще...

– Вигор! Вигор! – кричала Би с вершины холма, отойдя чуть от своего дома. Отсюда ей были видны маленькие фигурки, которые медленно брели по далекому ржаному полю и все кланялись, кланялись, кланялись... Кречет, Урс, Вигор и Дварф убирали хлеб. С самого утра они вышли в поле, взяв серпы. Без обеда, без отдыха они захватывали колосья в горсть, привычным движением отсекали стебли и укладывали на землю аккуратными валками.

– Вигор! Колдун! – звала Би, но на поле ее никто не слышал.

Куда он, старый, пошел! Который час без роздыху работает. Ладно Урс, ну, ладно Кречет, но он то, однорукий, зачем на поле вышел? Будто без него не справятся. Ходит, валки поправляет своим посохом, за всеми троими вяжет снопы. И как только он одной рукой управляет? Должно быть, пальцы ободраны в кровь, поясница болит, ноги не гнутся...

Би не выдержала и стала торопливо спускаться вниз, на поле к дедам.

– Вигор! – закричала она, не пройдя и половины пути.

Колдун не слышал. Зато поднял голову Урс, увидел ее, распрямился, откинул свои длинные волосы назад. Остановились и Кречет с Дварфом. Оба заметно уставшие, мелкие бисеринки пота поблескивают на лбу. А Вигор все работает. Наклоняется над валком ржи, зажав посох под мышкой здоровой руки, набирает в горсть колосьев, крепко прижимает своей короткой култей к телу, стискивает, добавляет еще горсть, и еще, и еще. Из последней ловко свивает жгут и обвязывает получившийся толстый сноп. Ставит на землю и делает следующий шаг. И как все сноровисто у него выходит!

– Хватит вам на сегодня, – сказала запыхавшаяся Би, поравнявшись со жнецами.

– Да что уж тут осталось, – ответил Кречет, кивнув на поле. – Еще часа два работы, не больше.

– Ну, хоть Вигора отпустите.

– Забирай, – усмехнулся Кречет, – попробуй. Нас он не слушает, мы уж его прогоняли. Какой, говорим, нам толк с однорукого. А он смотри как наловчился.

– Вигор! – окрикнула Би увлеченного работой колдуна. Тот выпрямился, обернулся на голос.

– Чего тебе?

– Хватит работать. Завтра доделаете.

– Нет. Надо сегодня закончить. Завтра пойдут дожди.

– Какие дожди? – удивилась Би. Она глянула на чистое небо. Яркое светило солнце – нигде ни единого облачка.

– Завтра будет дождь, – уверенно повторил колдун.

– Дождь, так дождь. Пойдем, а они доделают.

– Доделают они, как же... – проворчал колдун, отвернулся и снова принялся за работу.

– Вот видишь, – негромко произнес Кречет. – Пускай трудится, если ему в охотку.

Он перехватил серп и стал срезать колосья, укладывая их под ноги. Рядом с ним встал Урс.

– Пусть, – улыбнулся всеми морщинами Дварф и присоединился к товарищам.

Би смотрела на их точные движения, такие плавные, уверенные. И ей захотелось встать с ними бок о бок, и так же зачерпывать ладонью рожь, ощущая тепло каждого полого стебля, чувствуя приятную тяжесть зерна в колосе, и так же подрезать золотистый хлебный букет, аккуратно класть на землю, слиться с работой, с этим полем, с небом и солнцем, с хлебом... Но свободных серпов не было, и тогда она встала рядом с Вигором и принялась вязать снопы. Колдун искоса глянул на нее, пробурчал что-то неразборчивое, но чуть подвинулся, уступая валок.

Хлеба оставалось совсем ничего – часа на два работы. А потом еще надо было перенести снопы в деревню, обмолотить деревянными тяжелыми цепями, просушить, провеять зерно, отобрать часть на семена...

А колдун наавтра обещал дождь.

Дома было душно. Спать совершенно не хотелось. После работы стонал, жаловался каждый мускул, привычная боль грызла суставы, ломило кости.

Вигор вышел на улицу.

У Би горел свет. Кто там сейчас? Должно быть Кречет и Дварф. Может быть еще Ланс дремлет у печки. Но и они скоро разойдутся по домам – вымотались сегодня, устали. Почти до самого вечера таскали тяжелые охапки снопов, складывали к Урсу на просторный двор, на чисто выметенный дощатый пол...

Вигор стоял прямо, твердо опираясь на посох. За полтора прошедших месяца он сильно изменился. Он словно стал выше, плечи его больше не сутулились. Изменилась походка – теперь он ходил твердо, властно, уверенно – широко отмахивая целой рукой. Прежними остались только эти настырные буравчики в суставах. Годы никуда не делись, навсегда остались с ним.

Заглянуть к Би? Нет, незачем.

Пройтись? Куда? От дома к дому? По мертвой деревне? К пугающему вечернему лесу? Нет.

Вернуться в дом? Там душно и пусто.

А здесь есть целый мир.

Светит живой маячок в окне у Би. Зудят комары, через силу стрекочут кузнечики – уже становится свежо. Под холмом течет река – длинная лента, почти уже черная. Лес, слившийся в единый темный массив, наползает на склон, жутковатый, мрачный. Неясные звуки оттуда – будто из другого мира – некоторые знакомые, некоторые странные, чуждые. Все слышно в вечерней тишине.

И небо. Просторное. Необъятное. Высокое.

На востоке по черному бархату уже поднимается луна. Над головой появились первые, самые яркие звезды. А закат все еще алеет, хотя солнце давно скрылось, закатилось за бескрайний лес...

Вигор долго смотрел на полыхающий запад.

Будет дождь.

Кровавые струпья облаков уже висели над лесом.

Заговорили наперебой неразборчивые голоса. Это вышли от Би гости. Пошли по своим домам. Спать. Отдыхать.

Вигору почему-то не хотелось, чтобы кто-то сейчас увидел его, окликнул, и он тихо спрятался за дом и потом еще долго смотрел на умирающий закат. Смотрел, когда смолкли голоса, смотрел, когда погасли окна изб. Смотрел, когда ночь пришла в этот мир, и уже ничего не было видно, кроме смутных теней на фоне бескрайнего черного неба.

Урс разбудил мягкий негромкий шелест.

«Все-таки прав оказался колдун, – подумал Урс. – Дождь.»

Он некоторое время лежал, вслушиваясь в шепот падающей с неба воды. Глаза его были открыты, но он ничего не видел – было темно. Ночь была по-осеннему беспросветна. Урс улыбался сам не зная чему – просто ему нравилось слушать шум дождя.

Он и не заметил, как снова уснул.

И вновь проснулся.

Сколько прошло времени с момента первого пробуждения, он не знал. Дождь все барабанил по крыше, по окнам. Урс заворочался в постели и это движение окончательно пробудило его, и, придя в себя, он внезапно понял, что к ровному шуму дождя примешивается посторонний звук.

Он резко поднялся на локте, слепо таращась в темноту. Ему вдруг стало страшно.

В незакрытый ставень стучали с той стороны. С ночной улицы.

Кто бы это мог быть?

Это не свои. Свои не будут так долго стучаться – знают, что дверь у него не заперта, войдут сразу.

У него открыта дверь! – Урс похолодел.

В ставень все стучали. Негромко, часто, будто бы одними пальцами.

Урс, стараясь не скрипнуть половицами, соскочил на пол и, пригибаясь, стал ощупью пробираться к своему мечу.

Стук прекратился. Урс замер на месте, затаив дыхание. Забрехал, залаял глухо из-под крыльца Берт – почуял чужого.

Чужой! Откуда? Кто? Зачем?

Вновь забарабанили по ставню пальцы. Теперь уже по другому, у соседнего окна, у ближнего ко входу.

И этот дождь! Темно! Не слышно ни шагов, ничего не слышно, только стук. Негромкий, неожиданный, пугающий.

Урс дотянулся до меча и медленно, чтоб не звякнула сталь, вытянул лезвие из ножен. С оружием в руке стало чуть спокойней и будто бы даже светлей. Страх отступил.

Берт тоже не спит. Их двое.

Выставив перед собой меч, готовый к любым неожиданностям, Урс быстрыми шагами пересек комнату, распахнул дверь и выскочил на крыльцо. К ногам его прижалось что-то тяжелое и живое, сердце екнуло, заходило в груди бешено, и он уже почти ткнул это невидимое нечто мечом, как понял, что это его пес. Это Берт прижался к хозяину.

– Кто здесь? – крикнул Урс в непроглядный сырой мрак.

Ответа не последовало.

– Ей! – прокричал громче Урс. Глухо зарычал Берт.

Шелестел успокаивающе дождь.

Вдруг прямо перед ними словно из неоткуда выросла тень. Невысокая, бесформенная. Урс вздрогнул и немного отступил назад, направив острие меча на чужака.

– Пожалуйста, уберите собаку, – сказал слабый женский голос. – Можно мне у вас переночевать? Утром я уйду.

Урс, немного поколебавшись, опустил оружие.

– Кто вы? – спросил он.

– Только переночевать. Одну ночь. И я уйду.

Странно было слышать Урсу чужой голос. Тем более женский. Ночью, в такую погоду... Он задумался, решая как быть. Жизнь научила его, что враг может прийти в любом обличье, может говорить любым голосом. Враг хитер.

– Тихо, Берт, – успокоил собаку Урс. – Заходите. – Он распахнул пошире дверь, пропустил вперед себя незваную гостью, быстро огляделся по сторонам, затолкнул Берта в дом – нас двое! – и вошел следом.

Дома было тепло и сухо. Хорошо было, уютно. Урс сходил на кухню – глаза его уже понемногу начали привыкать к темноте – зажег там лампу, принес ее в большую комнату и при неярком свете смог рассмотреть гостью.

Невысокая девушка стояла посреди комнаты и, шурясь, смотрела на огонек. Было заметно, что она очень устала, обессилила. Синие губы ее тряслись от холода, длинные черные волосы вымокли. Насквозь вымокла и мешковатая одежда. В руках у девушки ничего не было. Она пошатывалась от слабости, ноги уже не держали ее. Глаза закатывались, и она с трудом разлепляла веки, взмахивая длинными ресницами.

– Только переночевать, – просительно сказала она.

Урс вытащил из-за печки огромный матрац, набитый соломой, расстелил по полу, поверх кинул одеяло, сказал:

– Раздевайся, – и смутился. Он уже отвык разговаривать с молодыми девушками.

Гостья, покачиваясь, стояла на месте и глядела на него. На высокого старика с длинными седыми волосами, полуголого, мускулистого. Он так и не выпустил меч из рук. Огромная собака спокойно сидела у его ног, вывалив наружу розовую ленту языка.

– Раздевайся, ложись, – сказал Урс. – Я выйду.

И он ушел на улицу, накинув кожаную куртку и поманив за собой пса.

На улице все моросил дождь.

Урс обошел вокруг дома, внимательно осматриваясь по сторонам. Было тихо. Постояв немного на крыльце, он вернулся.

Девушка уже спала, натянув одеяло по подбородок. Она отогрелась, лицо ее порозовело, пухлые губы были чуть приоткрыты. Урс присел перед ней на корточки и долго смотрел на безмятежно спящую гостью. Он внезапно понял то, в чем не хотел себе признаваться. Он будто увидел себя со стороны, ее глазами. Увидел себя стариком.

Он поднялся, положил меч на место, погасил лампу и лег на кровать.

Шуршал по крыше дождь. Девушка негромко дышала, и звук ее дыхания не давал Урсу заснуть. Он лежал, смотрел в невидимый потолок. Ему было горько. Сегодня он увидел себя со стороны. Сегодня он познал своего врага – свою старость.

Старость пришла к нему, приняв обличье юности.

«...Познавший противника защитит себя». Защитил ли себя Рухат?

Бывает, что познав врага, мы лишь осознаем собственную слабость.

Теряем силу...

Кто она, эта девушка, что пришла ночью? Принесла ему знание. Осознание собственной старости...

Слабости...

Случайность? Закономерность?..

Завтра не надо будет вставать рано. Никуда не надо будет бежать. Не надо будет тренироваться. Заставлять себя...

Все кончено...

Урс не заметил, как заснул.

Стариком.

Утром всем стало ясно, что наступила осень.

Плотная серая пелена затянула небо от горизонта до горизонта. Сыпал мелкий дождь. Поддувал несильный, но холодный северный ветерок. За одну ночь краски мира потускнели, приобрели бурые оттенки.

Лето кончилось...

Время шло уже к полудню, но солнца не было видно за низкими непроницаемыми тучами.

Кречет, плотно запахнувшись в плащ, ходил от дому к дому. Мучимый бездельем, бессонницей и непогодой, он не мог найти себе места. Би, послушав его байки пять минут, прогнала – ей надо было возиться со скотиной. Старый Ланс еще спал. Урс, должно быть, убежал в лес, несмотря на дождь. Вигор, предрекший ненастье, сидел дома и был молчалив, скучен и неинтересен.

Теперь Кречет торопился к Дварфу. Хоть коротышка и не отличался большим умом, но он всегда с удовольствием слушал разговоры других и сам любил поболтать, пусть сбивчиво и зачастую не в тему.

Кречет стукнул в окно, торопливо взбежал на крыльцо, отряхнулся и вошел в дом.

Дварф приветствовал его улыбкой:

– Заходи, Кречет. Как мы вчера хлеб вовремя убрали! Вигор точно сказал – дождь.

Кречет снял мокрый плащ, повесил на стену, на единственный свободный ржавый гвоздь. Осмотрелся.

Дварф топил печь. Это было его любимым занятием, пожалуй только колка дров доставляла ему столько же удовольствия. Скрестив ноги, он сидел перед распахнутым, пышущим жаром жерлом и неотрывно смотрел в огонь. Перед ним горкой лежали сухие поленья. Время от времени он брал кочергу и долго мешал горящие дрова и угли, сгребая их в кучку, вороша, тревожа, взбивая вихри жгучих искр.

Уже было жарко, даже душно, но Дварф не мог остановиться, не мог отойти от огня, дать ему погаснуть, умереть. Он кормил ручное пламя. Кормил с рук.

Кречет присел рядом и протянул к огню ладони.

– Красиво, правда? – спросил Дварф, любуясь рубиновыми кубиками углей.

– Красиво, – признал Кречет.

– Скоро зима. Надо будет постоянно топить. Каждый день.

– Еще не скоро. Лето только кончилось.

– А раньше у нас печи топили не только зимой. Всегда. Весь день.

– У кого это у нас?

Дварф нахмурил лоб, еще глубже очертив морщины – задумался.

– У нас, – он улыбнулся и пожал плечами.

– А ты помнишь еще что-нибудь из своей жизни? До того как пришел к нам.

– Да...

– И что же?

Дварф закрыл глаза и стал перечислять, вспоминая:

– Стук... Лязг... Огонь. Много огня. Жар... Тени на стенах. Страшно. Тени горбатые, машут руками... Оружие... Грохот... И пламя. Жарко!

– Слушай, Дварф, ты гном?

– Кто?

– Гном.

– Нет... Я Дварф.

– Это мы тебя так называли. Здесь. А как тебя звали там? Где тени и много огня.

– Не знаю, – Дварф смущенно улыбнулся. – Я не помню... А что такое гном?

– Если бы я знал, – ответил Кречет и поднялся. Он подошел к окну и выглянул на улицу. Отсюда были видны три дома – его собственный, Вигора и Урса.

– И больше ты ничего не помнишь?

– Не знаю, – ответил Дварф. – Мне много всякого снится. Я просыпаюсь и не могу понять, что мне приснилось, а что было на самом деле.

– И что тебе снилось в последнее время?

– Сегодня мне приснился ты. И еще Вигор. И Урс. И Би... И Ланс... Все приснились. И еще кто-то... А у Вигора было две руки...

– Нич-чего себе! – прищелкнул языком Кречет и плотно прижался лбом к холодному стеклу. Сквозь подтеки воды он увидел две фигуры. Они вышли из дома Урса. Одна фигура и была Урсом. Но вторая... Вторая!.. Это было невероятно, и Кречет подумал, что глаза обманывают его. Он протер стекло ладонью. Точно!

– Эй, Дварф, погляди-ка!

– Что?

– Смотри, кто там с Урсом?

– Женщина... Девушка... А кто это, Кречет?

– Если бы я знал... Куда это они? Никак к Би?

– Вроде бы.

– Одевайся быстро. Пойдем.

– Кто это?

– Не знаю. Давай быстрее.

Кречет набросил на плечи подсохший плащ, оглянулся на копотливо одевающегося Дварфа, сказал:

– Давай, догоняй. Я у Би. – И вышел в дождь.

Земля раскисла, и только трава своими корнями не давала почве окончательно превратиться в жидкую грязь.

Около колодца Кречет поскользнулся и едва не упал.

– Черт! – выругался он и пошел медленней, внимательно глядя под ноги, выбирая где посуше. Подойдя к дому Би, он постучал в окно, предупреждая о своем скором появлении, зашел в сени, разулся, стукнул в дверь и вошел в комнату. И сразу увидел ее.

Глаза его не обманули. Девушка. Чужая. Незнакомая.

Откуда?

Он мгновение пристально разглядывал ее, затем отвел глаза:

– Здравствуйте. Привет, Урс.

– Привет, Кречет. Ты вовремя. Надо бы всех собрать. Эта девушка хочет что-то нам рассказать.

– Сейчас Дварф придет. Я скажу, он за остальными ходит.

– Хорошо. Только...

– Что?

– Ланс спит?

– Не знаю.

– Наверное, его звать не стоит.

– Позовем только Вигора.

Девушка пока не проронила не слова. Она неподвижно стояла рядом с Урсом, невысокая, тонкая. Совсем молодая. Непривычно юная.

Из кухни вышла Би.

В сенях затопали. В комнату ввалился Дварф, увидел незнакомку, улыбнулся. Кречет сразу отправил его за колдуном:

– Пока не разделся, позови Вигора.

– Ладно, – Дварф еще раз улыбнулся незнакомке и исчез за дверью.

– Вы садитесь, – сказала Би. – Сейчас чай вскипит. У меня с вечера кое-что осталось. Перекусим.

– Спасибо, – сказала девушка. – Только я тороплюсь. Мне надо идти дальше.

– Поедите и пойдете. Садитесь, садитесь...

Девушка аккуратно опустила на краешек стула. Кречет уселся на свое законное место возле окна. Урс остался стоять.

Би принесла кружки, разлила чай. Вынесла блюдо с лепешками, сметану – всегда у нее есть чем накормить гостей!

Кречет видел, что незнакомка страшно голодна. И потому он все подвинул к ней и сказал:

– Ешь.

Девушка посмотрела на него.

Старый, высохший, плешивый, маленькие отекавшие глазки – представил он себя и усмехнулся своим мыслям.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и набросилась на еду.

Би присела рядом с Кречетом, опустила натруженные руки на колени.

«Две женщины в этом доме, под этой крышей. Когда так было в последний раз?» – подумал Кречет.

У Би никогда не было детей. Не было и мужа. Отца ее задрали волки, когда ей исполнился год. Так и жили они вдвоем с матерью. А когда мать умерла от чахотки, Би ушла в город. Пятнадцатилетней девчонкой она напросилась оруженосцем к земляку Лансу. Девчонка-оруженосец! Где это видано? Но Ланс, тогда еще копейщик-десятник имперского войска, взял ее под свою опеку, поставил на довольствие, научил азам ратного дела. И впоследствии ему не пришлось жалеть об этом... Через много лет они вместе возвратились на родину. Старейший воин Ланс и его верный оруженосец Би...

Вернулся Дварф, привел с собой однорукого колдуна. Вигор, видимо, торопился, не оделся как следует и потому насквозь вымок, хотя улицей идти-то надо было лишь минуту.

Все расселись вокруг стола и молча ждали. Смотрели, как гостя торопливо ест.

– Кто вы? – спросила Би у девушки. – Откуда?

– Спасибо, – юная незнакомка оторвалась от еды. – Я все расскажу... – она обвела взглядом собравшихся. – И это все? Больше здесь никто не живет?

– Есть еще один, – ответил Кречет. – Но он уже старик... Глубокий старик. Он плохо слышит и вообще... Пусть отдыхает.

– Хорошо... – серьезно кивнула девушка. Она на секунду задумалась, решая с чего начать. – Меня зовут Мира. Я из Тополиной деревни. Это в четырех днях ходьбы отсюда, вниз по реке, потом...

– Мы знаем, – перебил Урс. – Большое село.

– Знаете?... – девушка подняла голову, долго смотрела на Урса, и вдруг лицо ее странно задергалось: задрожали губы, уголки рта опустились, искривились брови. На глаза навернулись слезы. Она всхлипнула, закрылась руками и сбивчиво заговорила сквозь рвущиеся рыдания: – Деревни больше нет... Мамы нет... Брата... Отца... Дом наш... Ничего нет... Всех убили. Всех... Только я. Одна. Убежала... Спряталась...

Би встала, подошла к девушке, обняла худенькие трясущиеся плечи, стала тихонько поглаживать. Деда нахмурились, посерьезнели. Только Дварф растеряно улыбался. Мира продолжала, спрятав лицо в ладонях:

– Они пришли утром. Я не знаю кто это. Никто не знал. Они появились из тумана. Я не знаю откуда этот туман взялся. Сначала было ясно. Все работали. На огородах. И тут опустился туман. И они. Выплыли, будто призраки. Их было много. Страшные. Впереди шли белые карлики. У них были кривые когти. Длинные руки. И зубы. Будто иглы. Длинные, тонкие, острые.

Карлики шли первыми и убивали всех. Раздирали своими когтями. Впивались зубами. Они рычали... Карлики. Меньше меня в два раза. Рычали. Невидимые в тумане. Они были всюду. Люди кричали. Было страшно. Я тоже кричала. Один схватил меня. Длинная рука из тумана. Но я вырвалась и убежала. Я не знала куда бежать. Кругом этот туман. И крики. И рычание. Под ногами лежали люди. Мертвые и еще живые. Кровь... Крики... – девушка захлебывалась словами. Она отняла руки от своего лица, и старики увидели ужас в ее глазах. – Я падала. Вставала. Запиналась. Я кричала. Туман стал рассеиваться. И я увидела, как карлики заходили в дома. Они убивали всех. Выволакивали мертвых. А потом пришли другие. Худые и высокие. Черные. Скелеты, обтянутые обгоревшей кожей. Их было меньше. В руках они держали серпы. Большие кривые серпы. Они ступали прямо по трупам, по их спинам. Хватали за волосы, выгибали и... и... отсекали головы. И откидывали в сторону. Они молчали... Я забила под крыльцо. Смотрела сквозь щели в досках. Я не хотела смотреть, но смотрела... А они шли. Карлики и скелеты. Я видела, как из одного дома выскочил мужчина. Он размахивал большим ножом. Такими разделяют телячьи туши. Он кричал. Махал ножом. И карлики повернули к нему. Он убил двоих. Отпрыгнул и разрубил надвое длинного. По пояс. Черный скелет. Но тот не умер. Он прошел еще несколько шагов. Одни ноги. И упал прямо возле меня. У крыльца, где я пряталась. От него воняло гнилью. И не было никакой крови. Он дергал ногами и не умирал. Я видела, что верхняя половина, лежа на земле, размахивала руками и вертела головой. Она тоже была живой... А мужчина все махал ножом и кричал. Отовсюду к нему шли карлики. Смыкались кольцом. Белые. Длиннорукие. А потом... Потом они бросились на него, и он упал. Захрипел... Они сожрали его. Полностью. Ничего не осталось. Только нож... Я забила глубже под крыльцо, свернувшись клубком, но тут пришли эти. Звери, у которых были человеческие лица. Они нюхали землю. Они искали живых. Они приближались. А карлики ждали. Я поняла, что меня найдут. Эти твари. И тогда я побежала. Туман уже рассеялся, и было все видно. Черные скелеты повернули ко мне свои безобразные головы, но не двигались. Они казнили мертвых. Карлики пошли вслед за мной. Они передвигались медленно, я бежала быстрее. Мне повезло – я не была окружена. И я убежала. В лес. В последний момент я обернулась и увидела. Меж домами двигались черные тени с серпами в руках. По моему следу шли карлики. И человеко-ликие псы. А прямо на меня неотрывно смотрело чудовище. Оно было далеко. На дальнем конце деревни, там, откуда пришел туман. Откуда вышли убийцы. Чудовище было далеко, но я видела его во всех подробностях, так, словно оно находилось в метре от меня. Я не знаю, что это было. Он был закутан в туман. Я видела его глаза, фигуру, но не могу сейчас ни вспомнить их, ни описать. Это страшно. Я закричала и побежала в лес. Но чудовище сверлило взглядом мне спину, оно видело меня сквозь деревья, следило за мной. И в его взгляде я не ощущала злобы. Только холод. Мертвое безразличие... Четыре дня я шла по лесу. Ела только ягоды. Почти не спала. Я бежала, так как знала, что эти существа идут следом. Потом лес кончился. Я вышла к реке. Шла еще два дня и оказалась здесь. Сегодня ночью. Ваша деревня первая, что я встретила на своем пути. Я не знаю, кто эти существа, но я хочу, чтобы вы ушли. Мне кажется, что они придут и сюда... К вам... Убивать... Их много и они не знают пощады. Я уверена, что они направляются именно сюда. Я до сих пор чувствую этот взгляд. Он следит... Уходите. Бегите, пока не поздно. Спасайтесь... – девушка вздрогнула и несколько раз повторила: – Спасайтесь... спасайтесь...

Она замолчала, еще крепче обхватив ладонями лицо, тихо всхлипывая. Выдавила:

– Теперь вы все знаете... Мне надо идти дальше... Я не могу ждать. Это страшно. Ждать их прихода... Мне кажется, что теперь я никогда не смогу остановиться... Буду бежать, бежать...

Старики смотрели на нее, потрясенные рассказом.

– Когда это случилось? – спросил Урс.

– Шесть дней назад. Утром... – Девушка встала. – Я должна идти...

– Да-да, – засуетилась Би. – Подожди, я соберу немного еды в дорогу, – она ушла на кухню.

– Куда же ты теперь отправишься?

– Я хочу дойти до Города. Даже если эти существа и придут за мной, там их будет кому встретить.

– До Города? – переспросил Кречет. – До Каменного Города?

– Да, – подтвердила девушка.

– Что ж, – согласился Урс. – Наверно, это правильное решение. В Городе армия. Крепостные стены, ров. Ты там укроешься. Со временем найдешь работу... Жизнь наладится...

– Но Город далеко, – вмешался Кречет. – Ты пройдешь не меньше недели. И, к тому же, если идти кратчайшим путем, то ты не встретишь больше ни единого поселения.

– Я шла шесть дней. Пройду еще столько же.

– Погода меняется. Ты можешь простудиться, заболеть.

– Но я не могу ждать, поймите. Сидеть у вас, или еще где-нибудь и ждать. Мне страшно... Я должна идти. Сейчас же... Вы были добры ко мне, и я хочу, чтобы вы пошли со мной.

– В Город?

– В Город.

– Все бросить? И бежать?

– Да.

– Не знаю, – Кречет обвел глазами дедов. Урс покачивал головой, Дварф чуть улыбался. – Нам надо подумать.

– Я не могу ждать...

– Конечно. Ты должна идти сейчас. Ты молодая. Твоя жизнь только начинается.

Вернулась Би, принесла большой холщовый мешок:

– Здесь хлеб, немного сыра, копченое мясо. Возьми.

– Я не знаю... Ведь я для вас никто...

– Бери, дочка... Бери.

– Спасибо. Я никогда не забуду вас... Вы хорошие люди. Добрые. Уходите. Бросьте все. Бегите...

Старики потупились. Мира растерянно глядела на них, не зная какие еще слова подобрать для того, чтобы заставить этих славных людей поверить в реальность нависшей над ними опасности. Они не видели того, что видела она. Как же им объяснить?

– Я должна идти, – тихо, будто извиняясь, сказала она.

– Конечно. Я провожу тебя, – Урс поднялся.

– Подожди, – сказал Кречет. Он встал, снял со стены свой плащ, протянул девушке: – Возьми. Я все равно никуда не хожу... Надень сейчас.

– Спасибо, – она приняла подарок, закуталась. Плащ был велик, и она подоткнула волочащиеся полы за пояс.

– Я должна идти, – в который уже раз сказала Мира. Не могла она просто так уйти от этих одиноких добрых стариков. Оставить их. Покинуть. Всего час назад она увидела их в первый раз. И они будто стали ей родными.

– Иди, дочка, – сказала Би.

– Иди, – повторил Кречет.

– Пойдем, – взял ее за локоть Урс.

– До свидания, – улыбнулся Дварф.

Вигор молчал. Он был суров, как никогда.

Мира пошла к выходу, обернулась в дверях:

– Торопитесь... Они убивают всех на своем пути. Это нелюди... Я буду ждать вас в Городе. Уходите. Здесь вы беззащитны...

– Я сейчас вернусь, – сказал Урс.

И они ушли.

Старики опустились на свои места и долго молчали.

– Что будем делать? – спросил Кречет.

– Как думаешь, это правда? – задала ему встречный вопрос Би.

– Не могла же она все это выдумать!

– Иногда безумцы рассказывают и более странные вещи.

– Ты считаешь, что она безумна?

– С ней что-то случилось. Я не знаю как это повлияло на ее рассудок... Не знаю.

– Она говорила правду, – хрипло сказал Вигор.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросила Би.

– Знаю.

– И что тогда нам делать?

– Не знаю.

– На все у тебя готов ответ! – невесело ухмыльнулся Кречет.

– Я останусь здесь! – твердо заявила Би. – Все бросить, бежать куда-то – нет! Нет! Я остаюсь. Вы подумайте – сколько вам лет? Разве вы дойдете до Города? Пешком. В такую погоду. Подумайте о Лансе. Я не оставляю его. А подобное путешествие сейчас для него – смерть! Я остаюсь... Это моя родина. Мой дом...

– Да я, вообще-то, тоже не собирался бежать, – сказал Кречет. – Эти существа могут повернуть совсем в другую сторону. Почему они должны прийти именно сюда? Мир велик... Я с тобой Би. Куда я без тебя?... А ты, Дварф? Уйдешь?

– Зачем? – улыбнулся Дварф. – Мне здесь нравится.

– А ты, Вигор? Что думаешь?

Колдун поднял голову. Его взгляд был страшен. Страшен настолько, что Кречет отшатнулся и невольно сделал рукой знак, отпугивающий нечисть. Давно, вроде бы, забытое движение.

– Мне некуда бежать, – хрипло ответил Колдун, – Я остаюсь... Но вам бы лучше уйти... Или хотя бы спрятаться...

– Зачем?

Вигор внимательно посмотрел на Кречета, что-то про себя решая, и уже открыл рот, чтобы ответить, как в дверь втиснулся Урс и с порога спросил – громко, во весь голос:

– Ну, что? Вы оставляете меня одного? Я никуда не бегу.

– Мы тоже, – ответила за всех Би.

– Откуда она взялась, эта девочка? – поинтересовался Кречет.

– Ночью постучала в окно, – Урс улыбнулся и развел руками. – Напугала до смерти.

– Ночевала?

– Да.

– А ты там ничего?... – хитро прищурился Кречет.

– Совсем ты, старый, двинулся! – встряла в разговор рассерженная Би.

– А что? – Кречет изобразил на лице невинность. – Я говорю, сам-то выпался?

– Хватит! – перебила Би. – Когда ты, наконец, станешь серьезным?

– Серьезных и без меня хватает.

– Действительно, – Урс придвинул стул и сел, – надо всерьез поговорить. Что делать будем?

– А что нам остается делать? Жить как жили. Доживать, – высказался Кречет.

– Но эти существа могут в любой момент придти сюда.

– Навряд ли. Что им, больше пойти некуда? Я уверен, что у них есть какая-то цель. Они что-то ищут. Зачем им наша глушь? Что здесь можно найти?

– А если они все-таки придут?

– Я думаю, нам надо просто спрятаться. Если они действительно следуют за девушкой, в чем я сомневаюсь, то дня через два, максимум три, они будут здесь. И что они увидят? Мертвую деревню. Неужели они будут обыскивать каждый дом? А, вообще-то, я уверен, они здесь даже не покажутся.

– Твоя уверенность меня не успокаивает. Но ты прав. Наши дома сложно заметить изда-лека. И мы должны стать еще более незаметными... Погода пока на нашей стороне.

– Но кто эти твари? Я про таких никогда не слышал.

– Не знаю.

– Я знаю, – прокаркал Вигор. – Вы недооцениваете их. Они придут сюда. К нам. Утром. Они всегда приходят утром, когда воздух насыщен влагой. Эта тварь... эти твари приходят с туманом, они скрываются в нем, появляются оттуда... Ты прав, Кречет, они ищут... И, кажется, я знаю что... Они придут... И вы должны будете спрятаться. Вы будете прятаться каждое утро. До обеда. В подполье...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.